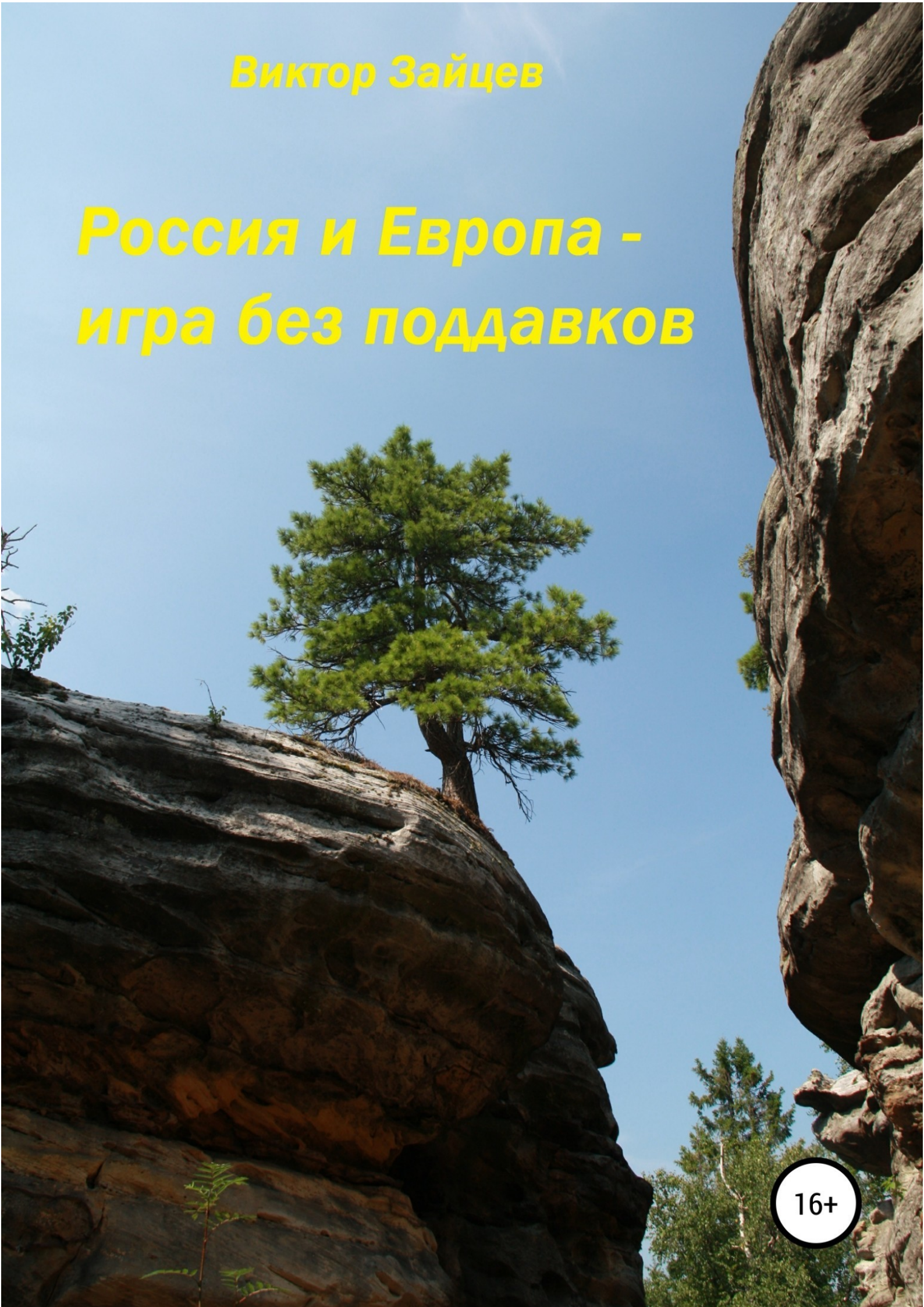

Виктор Зайцев

Россия и Европа - игра без поддавков

16+

Виктор Зайцев

**Россия и Европа –
игра без поддавков**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Зайцев В. В.

Россия и Европа – игра без поддавок / В. В. Зайцев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-1547-7

Заключительная книга о приключениях наших современников в восемнадцатом веке, в царствование Екатерины Второй. Двое из героев, Иван и Андрей, перебравшись на Дальний Восток, основали независимое баронство Беловодье. Куда и устремились староверы со всей Руси и авантюристы всех мастей. Европа связана французской революцией и наполеоновскими войнами, а наши герои интригуют в Юго-Восточной Азии, вытесняя европейских колонизаторов. Заключают торгово-оборонительные договоры с азиатскими странами, стараясь лишить европейцев «халявных» доходов из Индии и Азии. Цель одна – честная конкуренция и развитие русского Дальнего Востока, Аляски, Калифорнии.

ISBN 978-5-5321-1547-7

© Зайцев В. В., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	17
Невмянск. 1790 год	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фото на обложке сделано в нашем путешествии по Приуралью.

Пролог

– Ну, что скажете, господа генералы? – Григорий Александрович Потёмкин с ехидцей взглянул на старых конкурентов-соперников, Румянцева и Суворова. Оба генерала, несмотря на почтенный возраст, сидели, нахохлившись, как два подравшихся воробья, ревниво поглядывая друг на друга.

Только что все трое заслушали секретный доклад группы офицеров, проходивших двухгодичную стажировку в Беловодье. С общим докладом выступал командир группы, майор-артиллерист Завадский. Остальные офицеры группы наблюдателей дополняли его и отвечали на вопросы генералов. Тем было любопытно выслушать невиданные характеристики по дальности и точности стрельбы стрелкового оружия, артиллерии и миномётов частной армии Русской Дальневосточной кампании, созданной по образцу европейских Ост-Индских кампаний. Многому, из того, что рассказали офицеры, никто из присутствующих генералов не поверил бы ни за что, если бы не знал лично тех, с кем беседовал. Ну, как можно поверить, что неполная рота наголову разбивает армию в две-три тысячи солдат, пусть и туземных, да ещё без потерь? Как может отряд в две-три роты захватить государство, размером с Пруссию или Саксонию, и опять без потерь? Да и методы сражений вызывают неприятие своей неправильностью, бить врага на марше, нападать на военные лагеря внезапно, высаживать ночные десанты. Конечно, победа над превосходящими силами противника, да ещё без потерь, много значит, но, как-то неправильно воюют на Дальнем Востоке. Хотя, оружие отличное, это точно.

– Нет чести в такой войне, – поспешил высказаться Румянцев, подчёркивая своё старшинство. – Офицеры-простолюдины, что в торговой кампании той наёмничают, люди без чести и совести, могут себе позволить подобное, но, нам, дворянам, сие будет уроном для чести русской. Сражаться без договорённости о выбранном месте, бить врага исподтишка, в спину, подобным образом русская армия вести себя не будет! В Азии, с туземцами дикими, возможно воевать диким же обычаем, но, не в Европе!

– Значит, для кавказских армий, подобная тактика может быть использована, там уж азиаты и дикари истинные, – удовлетворённо хмыкнул светлейший князь. Прошёлся по кабинету, взглянул на гравюру с изображением сражения с турками. – Да, пожалуй, и турок европейцами не назвать, а?

– Это точно, Ваше сиятельство, – довольно улыбнулся Румянцев. – Басурмане истинные, нехристи обрезанные, прости, господи!

– Ты что скажешь, Александр Васильевич, – перевёл взгляд Потёмкин на демонстративно скучавшего Суворова. – Есть польза в опыте азиатском, что офицеры мои из Беловодья привезли?

– Тот опыт для меня не новинка, казаки-пластуны многое из тактики беловодцев используют давно. Вопрос в другом, для чего мы воюем? Коли в благородстве меряться с пруссаками и цесарцами, какими, можно и ружья у солдат отобрать. Пусть с голыми руками против сабель воюют, благороднее некуда. Тут уж нас австрияки и французы похвалят, да и орден какой нацепят. – Не упустил случая поехидничать над давним соперником Суворов, намекая на австрийские награды Румянцева. – Ежели по делу, то действующую армию давно надобно на эти «Луши» переводить. Благо, граф Никита Желкевский в армию брака не гонит, цены не задирает. И патронов закупать не два десятка на ружьё, а две сотни, если не всю тысячу на ствол. Да миномёты надобны по три батареи на полк, с двумя сотнями мин на каждое орудие. Те два полка, что мы на «Луши» перевели и миномётами усилили, проявили себя лучше некуда. А офицеров, какие в Беловодье были, я хоть завтра в своём подчинении желал бы увидеть.

– Да, по оружию я с графом согласен, – не выдержал Румянцев, – всех офицеров надобно за казённый счёт револьверами вооружить, зело удобное оружие. И, артиллеристов бы, подобно беловодцам, тоже на револьверы перевести. Нечего им фузеи таскать, хватает пушек и зарядов. Устав воинский переписать под новое оружие, да обязать офицеров каждую неделю учебные стрельбы проводить, патроны под стрельбы предусмотреть. Опять же миномётные батареи действующим уставом не учтены, в чем подчинении они будут? Много вопросов возникнет, люди нужны грамотные, опытные, средства огромные под изменения устава выделить.

– Хорошо бы, да знаете, сколько в казне денег? – Помрачнел сиятельный князь, задетый за живое. Хотя и вырос русский бюджет за последние годы вдвое, если не втрое против прежнего, да и аппетиты государыни не отставали. Хватало и казнокрадов, особенно в армии. – Ладно, будут деньги на новые ружья, патроны и миномёты. Но, Александр Васильевич, закупать их будешь ты сам. Не спорь, война с турками на носу, торопись. Тебе же, Пётр Александрович, придётся принимать дела в южной армии, да обучать срочно офицеров и войска беловодской тактике. Стратег ты добрый, выезжай, как приказ получишь. Благо, на паровозе быстро домчишь. Половину офицеров, что из Азии вернулись, себе возьмешь. С богом, господа генералы!

Глава первая

– Проходи, Сергей, присаживайся, – пятнадцатилетний подросток мягкими шагами прошёл по комнате и осторожно присел на стул перед комиссией.

Серёжа знал лишь одного из троих, сидевших перед ним, взрослых, своего тренера по рукопашному бою. Однако, этого было вполне достаточно, чтобы чувствовать себя спокойно. Тренер был для него, как всех учеников, вторым авторитетом после отца, надёжным человеком, способным защитить, помочь и понять. С защитой, впрочем, у Светлова давно не было проблем. Ушли в прошлое мальчишеские потасовки, слёзы сквозь боль, драки с пацанами из ближайших улиц. Последние два года из пяти лет занятий у тренера Сергей с радостью замечал, что становится сильнейшим учеником. Если старшие ученики ещё могли представлять опасность в спарринге, в силу разницы в весе и росте, то своих ровесников парень просчитывал сразу. Даже при встречах с другими школами рукопашного боя, в том числе дзю-дзюцу, Светлов с удивлением замечал, что противники его знают, и, самое смешное, боятся. Собственно, реальными соперниками для парня последний год были исключительно тренеры, не упускавшие возможности поработать с талантливым рукопашником.

Сегодня тренер пригласил его поговорить со своими знакомыми, ищущими для интересной работы надёжного человека.

– Не подведи меня, Серёга, – внимательно поглядел бывший донской казак в глаза ученику, – я поручился за тебя.

Периферийным зрением подросток осторожно рассматривал своих собеседников, уставившись на стол перед собой. Солнечный зайчик, пробравшийся сквозь прикрытые плотные шторы, причудливо изменял свою форму, теряясь в плотной листве деревьев под окном. Рассматривая яркое пятно на лакированной столешнице, подросток пытался успокоиться и угадать личности своих собеседников. Неожиданно узнал обоих, но сомневался, пока один из них не заговорил. С первых слов мужчины Светлов понял, что перед ним знаменитые правители Беловодья, барон Андрей и его соратник Иван Палыч. Знаменитый Палыч, как звали Невмянова практически все, обратился к подростку с вопросом.

– В тайге, пять лет назад, вы с отцом отбивались от хунгузов. Ты тогда убил одного из них. Не снился ли убитый тебе?

– Один раз приснился, – дёрнул плечом подросток, давно забывший события тех дней, – через неделю. Я прогнал его. С тех пор всё нормально.

– Если тебе поручат защищать чужих людей, сможешь ли ты убить хунгузов, напавших на них? – вступил в разговор Андрей Быстров.

– Хунгузов убью, – ответ был лаконичен.

– Хорошо, не будем ходить вокруг, да около, – барон Андрей встал с места, и прошёл к двери, проверяя, нет ли за ней кого. Плотно прикрыл двойную дверь, прошёлся по кабинету, остановился у окна, закрыв спиной солнечный луч, отчего одинокий зайчик спрятался, а Сергей невольно повернулся к Быстрову. Глава Беловодья продолжал, внимательно глядя на подростка. – Я набираю себе помощников для тайных дел по защите баронства, по защите русских людей. Сам понимаешь, у наших торговцев и мастеров много соперников, у баронства и РДК есть враги, те же хунгузы, китайские и японские пираты. Если воевать с ними армией, будет трудно, погибнут многие стрелки. Мне нужны толковые сильные бойцы, чтобы не воевать с врагами, а разорить их гнёзда. Ты охотник, знаешь, что, разорив волчье логово, проще избавиться лес от серых хищников, нежели потом выслеживать целую стаю, когда она погубит скотину, или, не дай бог, людей.

– Самое трудное в нашей работе, – подключился к разговору, молчавший до того Палыч, – не выслеживать врага, не захватывать или убивать его. Самое трудное, по крайней мере, сна-

чала, будет сохранение тайны. О существовании службы, где ты будешь работать, знаем только мы трое, ты четвёртый. Никто, даже твои родные, не будут знать истинного места твоей работы. Для всех ты будешь торговым представителем РДК. Но, наставник поручился за тебя, мы не сомневаемся в твоём умении хранить тайну.

– Да, я официально предлагаю тебе, Сергей Светлов, службу по защите Беловодья, тайную и опасную. Ты будешь рисковать своей жизнью, возможно, придётся убивать хунгузов и других врагов. Это не завтра, несколько месяцев будешь учиться, осваивать оружие, тренироваться. Будет трудно, но, с твоей помощью мы спасём много православных душ, сможем отвести беды от русских людей и всего баронства. Нам нужны такие смелые и ловкие парни, как ты. Решай. – Барон Андрей в тишине прошёлся по кабинету, где ни одна половица не скрипнула, словно прислушиваясь к словам главы Беловодья.

Сергей машинально взглянул на лицо своего тренера, тот еле заметно кивнул, успокаивающе улыбаясь. В порядочности Акинфия у Светлова не было сомнений, плохое дело тренер не предложит. Воспоминания о хунгузах, успевших убить трех крестьян из каравана, двигавшегося пять лет назад к Белому Камню, добавили решимости.

– Я согласен, – подросток встал и поклонился своим собеседникам, словно учителю при встрече.

– Рад. Завтра, в восемь утра, жду в своей приёмной, – Быстров пожал руку своему будущему «волкодаву».

– Редкий парень, – продолжил разговор Акинфий, когда Светлов вышел из кабинета. – Такого таланта я ещё не видел. Не просто боец «от бога», а думающий боец. Мыслит быстро, точно, оригинально. Вы бы видели, как он работает против нескольких противников. Боюсь, через пару лет, он станет моим тренером.

– Не прибедайся, Акинфий, – похлопал по плечу его Палыч, – тебе далеко до старости. Давеча самураев раскидал, те и не хрюкнули. А Светлов действительно умный парень, тесты на интеллект сдал на сто сорок пять баллов минимум. А в некоторых набрал сто шестьдесят. У меня самого больше ста пятидесяти не было ни разу.

– Нам с тобой тесты сдавать поздно, – ухмыльнулся барон Андрей, – к тому же, я их сам разрабатывал. Думаю, на уровне «Ай-кью» получились, память у меня хорошая, если где и ошибка в уровне оценки, баллов в пять, не больше.

– Хорошо, поехали в Таслу, там я такого же самородка присмотрел, – Палыч начал собираться, – через два часа он должен в приёмную градоначальника подойти. Парень не такой интеллектуал, но, любую технику разбирает и собирает с закрытыми глазами. И, рукопашник отличный.

Трое пловцов в аквалангах кружили в подводной расщелине, медленно поднимаясь к поверхности. Кессонная болезнь слишком опасна, чтобы рисковать быстрым всплытием, а так хотелось обрадовать наставника. С третьего погружения кадеты выполнили задание полностью. Не только погрузились на глубину сорок метров, испытывая акваланги, но и проверили новые подводные ружья, отстреляв их по мишеням на разных глубинах. Спустя сорок минут, строго по наручным хронометрам, пловцы вынырнули, снимая маски, около дрейфовавшего катера, на котором их ждал конструктор новой модели акваланга.

– Как? – не терпелось инженеру узнать результаты испытания своего детища.

– Отлично, – первым, как обычно, успел Яшка, ухватываясь за рукоятки трапа.

Вслед за ним, неспешно перевалился в катер Николай, разворачиваясь, чтобы помочь подняться Сергею. Трое будущих диверсантов широкого профиля аккуратно снимали полупустые баллоны, освобождаясь от сбруи различных ремней. Неожиданно заработала рация, установленная на катере.

– Третий, я Валдай, ответь!

– Третий на связи, – подскочил к микрофону Светлов.

- Срочно возвращайтесь.
- Вас понял.

Через полчаса катер на «бензиновом ходу» причалил к пристани небольшой закрытой базы на побережье Японского моря, где год прожили три молодых кадета, осваивая тонкости невиданной техники и отрабатывая неизвестные приёмы и навыки. Домой ребята выбирались по воскресеньям, далеко не каждую неделю, так завораживала учёба. За год Сергей, Николай и Яков стали мастерами по стрельбе из любого вида оружия, от арбалетов до новейших карабинов, не забыв практические стрельбы из пушек и гаубиц, духовых трубок и метания сюрикенов и ножей. Ножевой бой в совершенстве первым освоил Сергей, сразу занявшись тренировками напарников. Он был признанным лидером группы, сильнее и крепче своих напарников, опытнее в рукопашном бою и скрытом передвижении по местности, быстрее реагировал на изменение ситуации. Благо, им было чем «ответить».

Николай Петров, талантливый айн из Таслы, легче всех разобрался в технике, «подтягивая» кадетов в практике ремонта оборудования в полевых условиях, во взрывном деле. Невысокий, хрупкий парень с чуть раскосыми глазами, Коля был самым молчаливым в команде, с вечно занятыми руками. Даже в краткие перерывы для отдыха он не переставал что-либо мастерить. То наматывал катушку, считая витки, то шлифовал части ударно-спускового механизма очередной стреляющей новинки, добиваясь мягкости хода спускового крючка. Яков Бежецкий, темноволосый весельчак, уроженец Санкт-Петербурга, прибывший с родителями-учителями в Беловодье пять лет назад, самый коммуникабельный из троицы кадетов, кроме исключительного таланта в общении с любым человеком, знал шесть языков, изучением которых мучил товарищей всё свободное время.

Всё время кадеты не переставали учиться на первом курсе инженерного факультета в Невмянском институте, в разных группах, разумеется, не показывая вида, что знакомы. Для своих ровесников они были обычными студентами, работавшими всё свободное время, так добрая половина студентов подрабатывала, ничего странного в этом нет. Нередко, по воскресеньям, кадетам выдавались занятия с Невмяновым или бароном Андреем. Там речь шла об удивительных, неслыханных вещах, от тактики партизанских и диверсионных отрядов, разведывательной и оперативной работе, дактилоскопии, криминалистике, психологии, до политэкономии, политологии, обработке массового сознания и прочих неслыханных предметах. После общения с руководителями Беловодья совсем иначе представлялись многие исторические события. В том числе, вялотекущие конфликты Беловодья с Ост-Индской кампанией, Поднебесной империей.

– Чем Беловодье отличается от колониальных европейских стран? – Как всегда первым, озвучил свои нехитрые вопросы Яша, после обсуждения современной колониальной политики с Быстровым. – Наши войска находятся в Камбодже, Цейлоне, Формозе, Калькутте, Пондичери.

– Правильно, а кто правит в этих странах?

– Местные власти, но, под контролем Беловодья. – Не унимался дотошный Яшка. – Мы тоже колониальная страна, как и европейцы?

– Да, но с некоторым, весьма серьёзным отличием, – барон подвинул к себе рабочую карту Азии. – Смотрите, самые развитые страны Юго-Восточной Азии – Корея, Аннам, Япония, Китай, Камбоджа, Сиам. С Аннамом и Кореей у нас полноценный военно-торговый союз, никто не скажет, что они наши колонии, так? В этих странах строятся заводы, развивается промышленность, лет через десять-двадцать любая из них будет равна средней европейской стране по уровню производства. В Камбодже есть наши войска, но, правит там свой правитель Анг Нон, пусть и дружественный нам. Да, мы покупаем там недорогие ресурсы, продаём наши товары. Однако, беловодские стрелки ни разу не участвовали в подавлении восстаний, местные товары мы покупаем, а не отбираем, как делают англичане в индийских княжествах. С

Китаем и Японией отношения трудные, но, мирные, беловодских войск там совсем нет. Теперь взглянем на Сиам, он полностью под английским контролем. И, в отличие от нас, британцы не развивают страну, а грабят её. В Сиаме за последние десять лет построены только миссионерские школы, ни единой шахты, ни одной фабрики. А в Камбодже работают уже десять фабрик и построены шесть угольных шахт. Но кхмерский уголь мы покупаем, а британцы Сиам просто грабят. За последний год Ост-Индская кампания вывезла из Сиам товаров и ценностей в десять раз больше, чем мы купили в Камбодже.

– Поэтому, – продолжил Быстров, – задача наших представителей в Калькутте, Пондичери, Формозе, и прочих бывших европейских колониях, развивать местную промышленность и не пускать туда европейцев. Грабить легче и выгоднее, когда жертва слаба, грабитель может за короткое время награть больше, чем заработает честный труженик. В результате получается, европейцы за счёт ограбления Азии, Африки, Америки, живут богаче и легче, нежели другие страны, где народ честно работает. Так, давайте поставим Британию, Голландию, Францию в равные с Россией условия, не грабить же их самих. Просто лишим европейцев лёгкой добычи, вытесним их из азиатских колоний. Пусть соревнуются с Беловодьем и Россией честно, без посторонней помощи. Если же британские, французские, голландские колонизаторы не хотят честно работать, а попробуют ограбить слабые страны, как обычно это делают, вооружим соседей, пусть европейцы попробуют ограбить сильное государство. Собственно, этим мы и занимаемся последние годы, наше оружие продаётся по всем окрестным государствам.

– Но, когда-нибудь, все вооружённые соседние страны решат ограбить нас? – взглянул на барона Сергей, давно размышлявший об опасности продажи оружия соседям.

– Чтобы этого не случилось, мы заключаем не только союзы, которые легко нарушить. Заводы и фабрики, что мы помогаем строить Корее и Аннам, Японии и Камбодже, завязаны на сотрудничество с нашими заводами. К примеру, две трети аннамского железа и редких металлов покупают Беловодские механические заводы. Три четверти кхмерского сахарного тростника покупаем мы. Корея продаёт нам много тканей и цветных металлов, а мы поставляем всем странам подшипники, паровые машины и многое другое, что необходимо для железных дорог, заводов, судостроения. Если эти страны нападут на нас, кто будет покупать их продукцию? Англичане? За нашу цену никто их товар не возьмёт, промышленники разорятся, либо сами скинут правителя, объявившего нам войну. Тем более, что их станки и паровозы быстро выйдут из строя без запчастей русского производства. Да и сами заводы в дружественных странах, большей частью принадлежат промышленникам Беловодья, разумеется, на паях с местными ремесленниками. В случае военного конфликта с Россией или Беловодьем, большая часть заводов и фабрик попросту встанет, оставив без работы тысячи людей, и без доходов правителей. Именно такой должна быть будущая политэкономия, привязывать страны к нам в союз не словами, а экономикой и торговлей.

– Но, это дела далёкого будущего, пока приходится рассчитывать на множество других сдерживающих факторов. Одним из которых, несомненно, является наше военное превосходство. Другим фактором, хочется в это верить, станете вы, ребята. – Барон Андрей улыбнулся при виде опешивших кадетов. – Да, именно вы, наша надежда. Вы догадываетесь, что будете выполнять очень важные задачи в самой непредсказуемой обстановке.

Сергей почему-то вспомнил именно эти слова Андрея Викторовича о непредсказуемой обстановке, когда их группа остановилась перед дверью кабинета Невмянова. Взглянув на часы, показывавшие точно назначенное время, командир тройки толкнул тяжёлую дубовую дверь, зашёл внутрь и остановился у входа.

– Проходите, парни, – поднял голову от бумаг, разложенных на столе, Иван Палыч Невмянов, глава правительства Беловодья, – присаживайтесь.

Он подождал, пока все трое усядутся за стол, внимательно выискивая в лицах молодых людей приметы неуверенности или робости. Удовлетворённый спокойной уверенностью

и юношеской смелостью, ясно читавшейся на лицах молодых диверсантов, кивнул своим мыслям, и приступил к разговору.

Неделю назад, в китайском портовом городе Хунцзян, вот здесь, – Палыч подошёл к большой карте, висящей на стене кабинета, и показал на южное побережье Китая, – пропали наши торговцы. Пять человек, вместе с купцом Калашниковым, Сергей должен его знать, сосед по улице.

Знаю дядю Захара, – кивнул Светлов.

Да, Захар Калашников с четырьмя помощниками пропал неделю назад. Не вышел на связь нашему консулу в этом городе. Консул посылал двух своих людей на поиски купца, те тоже пропали, ни слуху, ни духу. – Невмянов сел за стол и развернул другую карту, обвёл карандашом небольшой участок, – все пропавшие направлялись в этот район города. Вам нужно установить, что случилось с людьми, вот их фотографии и приметы. Скорее всего, их схватили китайские власти, либо преступники. Однако, ни те, ни другие с предложениями выкупа не обращались. Действовать будем так...

До берега добрались на резиновой надувной лодке, сразу поспешили в город. Но, успели заметить взлёт водолёта (гидросамолёта) с зеркальной поверхности залива. Лётчик покачал крыльями, на удачу, и отправился домой, почти не набирая высоту в первые вёрсты пути. Вёрсты, кстати, в Беловодье, давно составляли ровно тысячу метров. Корея, Аннам, Камбоджа и все полуколонии РДК тоже переходили на метрическую систему. А, как иначе? Все техники, механики, инженеры подхватывали у русских миллиметры, сотки, метры и вёрсты, легко переходили от цуней, локтей, шагов и дюймов. Благо, те же дюймы тоже были чужими, а в большинстве стран государственные мужи ещё не дошли до регламентации размерности. Потому рабочие и мастера могли измерять длину, вес и объём в чём угодно, лишь бы купцы сохраняли традиционные меры. Но, с появлением монополии РДК, торговцы которой давно перешли на метры и килограммы, к таким размерностям привыкали и покупатели с конкурентами.

У города боевая группа разделилась. Яша, одетый уборщиком мусора, не отличавшийся внешне от ханьца, семенящей походкой потащил небольшую тележку в направлении нужного района. В тележке, прикрытые тряпьем и коровьим навозом, лежали укороченные карабины и гранаты. Сергей с Николаем, одетые русскими торговцами, не упуская из виду Якова, шли параллельными улочками туда же. Городок только просыпался, многочисленные работы спешили на работу, дворники шуршали возле домов, мусорщики чистили улицы и сточные канавы. Почти все встречные старались не заметить двух русских парней, идущих в сторону портовых трущоб. Светлов скоро почувствовал приближающуюся опасность, которую подчеркнули ханьцы, образовав вокруг двух парней пустое пространство, десяти метров в диаметре. Словно заколдованные, ханьцы обходили Сергея и Николая по кругу, не поднимая головы, семенили по своим делам.

Вот и припортовое заведение, с которого решено было начать поиски пропавших купцов. То ли харчевня, то ли ночлежка, то ли клуб по интересам, то ли просто навес вдоль дороги. Здесь с раннего утра хватало посетителей, некоторые просто лежали и сидели на корточках вдоль бамбуковых стен. Двери под навес не было, Сергей заметил боковым зрением, что Яков на своём месте, собирает мусор в соседнем переулке, не выпуская из вида друзей. Николай уже подходил к хозяину, на ломаном южном диалекте спрашивал о пропавших друзьях, показывал фотографии и потряхивал внушительным кошельком. На этом был построен план поиска, засветить деньги, интерес к пропавшим русским, а самим выглядеть двумя подростками, лопухими и безобидными.

Улыбающийся трактирщик лично повёл двух молодых господ через многочисленные переходы вглубь своего заведения. Дважды навстречу попались девицы, плотно прижавшиеся в узком переходе, чтобы пропустить гостей. Сергей едва не улыбнулся, понимая, что их обоих, таким образом, обыскали и проверили на наличие оружия. Хорошо, что, кроме обязательных

револьверов на поясе, ничего дополнительного брать не стали. Пусть противник уверится, что его будущие жертвы беззащитны. Вскоре трактирщик привёл ребят в небольшую комнатку, предложил подождать, быстро исчезнув.

Не прошло и получаса, как в комнатку вошли три ханьца, двое из них явные боевики, попытались встать за спины парней.

– Ещё чего надумали! – Светлов возмущённо отодвинул руками ханьцев, чтобы все трое были перед глазами. – Так-то лучше!

– Чего хотят молодые господа? – Не моргнув и глазом на его поведение, на ломаном русском спросил старший ханец.

– Мы ищем своих друзей, – начал пространно объяснять Николай, показывая фотографии и помахивая кошельком.

Светлов, изображая усталость, отошёл в сторону и навалился на бамбуковую стенку комнаты, проверяя её крепость. Затем попытался сесть на небольшую подушку в углу, поднялся, изображая скуку. Всё это время он следил за поведением телохранителей-ханьцев, и, внимательно прислушивался к шорохам за стенами, пытаясь определить, откуда будут нападать. Удалось рассмотреть замаскированную дверцу за своей спиной, от нападения из которой он прикрыл собой Николая. К этому времени Коля закончил своё выступление, а ханец принял решение о захвате подростков. Именно к нему и вынуждали противника бойцы, показывая свою глупость и богатство. Замаскированная дверца за спиной распахнулась, запуская в комнату ещё троих ханьцев, быстрыми движениями окружавших своих будущих пленников. Началась схватка.

Коля стремительно ушёл с линии атаки, ударив старшего ханьца в челюсть, чем гарантированно его успокоил на пару минут. Сергей за это время успел сломать ступнёй колено одному из нападавших сзади, и, сам пошёл вперёд, блокируя двух телохранителей. Те самоуверенно накинулись на него, пытаясь связать его близким боем на кулаках в лучших традициях ба-гуа. Увы, Светлов был готов к подобным ситуациям, и, сломав кисть одному быстрым захватом, отправил раненого под ноги нападшим со спины. Те задержались буквально на пару секунд, перепрыгивая через упавшего телохранителя. Этого времени хватило Светлову, чтобы обезвредить второго телохранителя связкой из ударов ногами, в колено, пах и челюсть. Стук зубов при падении ханьца показал, что поднимется тот не сразу.

Коля за это время успел развернуться к оставшимся на ногах двум ханьцам из замаскированной дверцы. Через мгновение к нему присоединился Сергей. Ещё через три секунды все ханьцы лежали на полу. Без разговоров, молча, по давно отработанной схеме, парни обыскали врагов, прихватив пару ножей, нунчаки, три кошелька. Передавив сонные артерии, погрузили противников в глубокий сон, а старшего бандита, проявлявшего признаки сознания, крепко связали и вставили кляп.

– Всё, – Сергей взвалил пленного ханьца на плечо и взглянул на татуировки трёх из пяти ханьцев. Не зря эти рисунки показывал Палыч, судя по ним, русских захватили китайские бандиты, «Белый лотос». Значит, придётся спешить, сами ханьцы бояться «Белого лотоса», запуганные жестокостью его членов. – Однако, отпетые хунгузы, получается! Звери, хуже волков!

Уходить далеко парни не спешили, затащив пленника в ту самую комнату за потайной дверцей, откуда напали бандиты. Пока Николай блокировал двери в оба помещения, Сергей приступил к допросу пленника, приведя взрослого мужчину в шок от возможностей подростка. Благо, кое-какой опыт, пока теоретический, у Светлова имелся. И, рекомендованные Невмяновым психологические ходы. Но, хотя пленнику задавались всего два вопроса, а именно, где захваченные русские, и, где логово бандитов, ответа от ханьца добиться не удалось. Вполне предсказуемо, сказался малый опыт допросов и юный возраст наших героев, о чём предупреждали учителя. Захваченный бандит не признавал за парнями серьёзность намерений, а доказывать ему, устраивая кровавую баню, ребята не собирались. Ибо за неполный год обучения

твёрдо усвоили – выполнение задачи первостепенно, а эмоции, вроде самолюбия, или самоуверенности и хвастовства, лишь мешают.

– Придётся, видимо, уносить его с собой. Вывезем за город, там проще разговаривать. – Сергей вставил кляп ханьцу в рот и принялся его поднимать, чтобы вынести чёрным ходом.

– Не убивайте дедушку, я всё вам покажу, если отпустите его, – ворвалась в комнату через пролом в циновочной стене молодая китаянка. – Не убивайте дедушку, он хороший.

Светлов едва сдержал свой удар, покосившись на пленника. Тот заметно нервничал и мычал сквозь кляп. Видимо, внучка говорила правду, старичок понимал, что она смертельно рискует. Придётся рискнуть и поверить.

– Ты знаешь, где русские, которых здесь захватили? – Уточнил Николай у девчухи, выглядевшей лет на 12-13, не более.

– Да, тут недалеко, их всех держат в яме за портовыми складами. – Зататорила девушка. – Там большая охрана, человек десять, все с ружьями. Вы всё равно не сможете освободить своих друзей.

– Посмотрим, беги за тележкой, – парни отправили девушку чёрным ходом за тележкой, а сами осторожно вынесли пленника во двор харчевни.

Если кто и наблюдал за ребятами, то не показывался. В ожидании девушки с тележкой, Николай осторожно выглянул на улицу и подал Яше условный знак, следовать незаметно за ними. Спустя пару минут Ляо Нинь, как назвалась внучка, привезла небольшую тележку, куда погрузили пленника, забросав сверху мусором. Николай впрягся в лямки тележки, Сергей с Ляо пошли рядом. В отдалении двигался Яков, порой сворачивая на параллельные улочки, чтобы его сопровождение не бросалось в глаза. Идти пришлось довольно долго, добрые полчаса.

– Вот, там, в яме держат русских купцов, – показала девушка на типичный склад с полукрытыми дверями, стоявший в ряду других портовых сооружений.

– Ждите, – Светлов махнул рукой Яше, загоняя тележку с пленником в неприметный закоулок. – Ты, Ляо Нинь, будешь ждать нас здесь. Вместе с нашим другом. Не убегай, тележка нам может пригодиться.

Споро разобрав из запасов Якова оружие, Николай с Сергеем отправились к складу, оставив Якова возле тележки с ханьцами. Шли, естественно, не по улице, а узкими переулками обогнули здание склада кругом, изучая подходы и возможные выходы. Кроме центральных ворот, в складе имелся небольшой лаз, даже не двери. Без каких-либо следов посещения, даже роскошная паутина поперёк дверцы была нетронута, как минимум пару дней, судя по обилию мух и москитов, нашедших свою гибель в клейких нитях. Дверца, естественно, была заперта, но, примитивная задвижка через пять минут поддалась усилиям тонкого кинжала. Кожаные навесы дверцы не скрипнули, когда Светлов аккуратно её приоткрыл. Ребятам повезло, открытый лаз вёл в настоящее складское помещение, забитое бочками и тюками. Осторожно пробравшись к следующей двери, оба получили возможность увидеть основной склад через щели в бамбуковых стенах.

Наблюдали ребята долго, насчитав двенадцать охранников, шестеро из них были вооружены ружьями, остальные носили на боку мечи. Несмотря на явную сторожевую функцию ханьцев, наблюдатели не могли понять, где держат пленников. Охранники играли в китайское домино, дремали, лениво пили пиво, но, что они охраняют, невозможно было оценить. Ждать до вечера опасно, скоро оклемаются побитые злодеи в харчевне и прибегут сюда. Пришлось рискнуть. Сергей с Николаем шёпотом согласовали действия, и Светлов выполз из лаза на улицу. Отряхнувшись, он быстрым шагом направился к воротам склада, отвлекать внимание охраны. Николай выбраться из добротной запертой комнаты сам не сможет, но, окажет огневую поддержку через многочисленные щели в бамбуковой стене.

– Эй, там, – широко распахнул незапертые ворота склада Сергей, – выдавайте мне русских. Я заплатил за них выкуп. Шевелитесь!

Охрана отреагировала вполне ожидаемо, Насторожились, взяли в руки оружие, но, долго молчали. Светлов в это время свободным шагом подошёл к основной группе и, на чистейшем кантонском диалекте потребовал выдать пленников.

– Показывай, где русские? – для эскалации конфликта парень схватил одного из охранников за руку, прекрасно зная, что такие действия воспримутся оскорблением.

– Бей его! – Наконец, сообразил старший из ханьцев. Но, уже было поздно.

Первым на его крик отреагировал Коля, открыв огонь из карабина по группе, вооружённой ружьями. Просунув ствол сквозь бамбуковые жерди стены, он беглым огнём уверенно разогнал группу ханьцев, стоявшую в глубине помещения. Ненамного отстал и сам Светлов, резко сместившись в сторону с одновременным выхватыванием револьвера из открытой кобуры. Цели парни заранее распределили, отвлекаться не приходилось, каждый работал по выбранной группе. Первыми выбивали бандитов, вооружённых ружьями, не давая им возможности даже поднять оружие.

– Бах, бах, бах, бабах! – Загремели выстрелы с двух сторон по остолбеневшим хунгузам.

– Дзинннь! – Звякнул по чьёму-то мечу рикошет.

Расстреляв полный барабан, Светлов ударом револьверной рукоятки по затылку оглушил ближайшего охранника. Прикрывшись его оседающим телом, сменил револьвер и продолжил стрельбу. Трое ханьцев, вышедших из ступора, попытались скрыться, но не успели. Сопротивление так никто и не оказал. Убедившись в смерти всех хунгузов, кроме оглушённого, Сергей подбежал к изрешечённой двери склада, чтобы открыть засов и впустить друга в помещение. Затем вместе с Николаем быстро закрыли наружные ворота. Только потом принялись обшаривать склад в поисках пленников. Искать пришлось долго, едва руки не опустили в расстройстве, что Ляо Нинь обманула.

– Мужики, подайте голос! – Не выдержал и крикнул Николай по-русски. – Мы за вами пришли!

– Аеее. – Глухо прозвучал из угла, заложенного тюками хлопка, стон.

– Сколько вас? Живы? – Парни за секунды раскидали тюки, открыли крышку зиндана. Быстро спустили туда бамбуковую лестницу, лежавшую рядом. По ней тут же стали выбираться пленники, подслеповато прищуриваясь на освободителей. Все были со следами побоев, осунувшиеся от голода, а дядю Захара поднимали на руках. Купец был без сознания, с распухшей посиневшей рукой, обмотанной тряпками.

– Что с ним? – наклонился и потрогал повязку Светлов, понимая, что вопрос излишен. Руку пленника нарывала огромная опухоль, а окровавленные кончики пальцев без ногтей говорили слишком ярко сами за себя. Захара пытали, судя по запаху раны, с самого начала захвата.

Рука сама легла на лоб Калашникову, не нужно искать термометр, чтобы понять, у раненого жар. Однако, пульс был уверенный, и следовало спешить. В такой ситуации радовало

одно, усмехнулся про себя Сергей, дядя Захар без сознания и не надо выдумывать сказки, объясняя своё присутствие.

Да, поспешать стоило, бывшие пленники споро вооружались трофеями, а Яша уже подкатывал тележку к полуоткрытым воротам. Туда, потеснив пленного дедушку Ляо Нинь, уложили Захара и связанного накрепко единственного выжившего бандита.

– Однако, не доведём всех троих, – уверенно оценил перегруз тележки Николай. Ханька, без перевода поняла русский язык и вздрогнула, умоляюще посмотрела на русских. После того, что она увидела в складе, и делового спокойствия трёх парней, словно не замечавших горы трупов в углу, Ляо Нинь не верила, что их оставят живыми после подобной мясорубки.

Сергей, не отвлекаясь на плачущую девушку, скинул её деда на землю, развязал и отвёл в сторону. Там шепнул несколько слов ему на ухо, отчего глаза ханьца вылупились, словно

плошки. Он несколько секунд обдумывал услышанное, затем схватил внучку за руку и поспешил к чёрному выходу со склада. Остальная группа беглецов, наоборот открыто выходила из главных ворот, держа направление на окраину городка. Хотя недавняя канонада была слышна за пару кварталов, ни единого человека на улице не было. Наверняка соседи знали, кому принадлежит склад, потому опасались проявлять излишнее любопытство. Возможно, подобные стрельбы не были редкостью. В любом случае, мешать группе бывших пленников никто не собирался. Избитые, полураздетые мужчины, поддерживая друг друга, ковыляли в сторону городской окраины. Идти было недалеко, не прошло и получаса, как показался дымок над трубой скоростного парового катера, одного из последних выпусков, за таким никакой парусник не угонится. Пока беглецы устраивались на борту, Сергей с Яшей срочно вскрывали нарывы на руке Калашникова, обрабатывали рану и кололи обезболивающее с аспирином.

Ни один преследователь так и не рискнул появиться, до самого отплытия. А через три дня Сергей с друзьями благополучно перебрался на подошедшее судно, умудрившись так и не показаться на глаза Калашникову. Собственно, на этом и закончилось первое задание для группы. Дальнейшую работу с пленником взял на себя Невмянов, а наша троица вернулась к учёбе. После подробного разбора всей операции, конечно.

Глава вторая

– Как могли наши шпионы проморгать подобное? Не слишком ли много мы им платим? – Язвительность императрицы сочилась ледяным спокойствием. Все присутствующие на совещании поёжились, понимая опасность такого поведения Екатерины.

– Что молчите? Вся Европа движется на Петербург, сможем ли мы защитить город? – Вопрос повис в воздухе. Наконец, Григорий Александрович Потёмкин, сделал шаг вперёд, выдвигаясь из шеренги молчащих чиновников.

– Разреши, матушка? – И, дождавшись утвердительного кивка, продолжил. – Гвардия и три полка приданных войск полностью вооружены новыми ружьями и миномётами. Все войска уже подняты и ожидают приказа к маршу. Предлагаю отдать их под командование графа Суворова Александра Васильевича. Он обещал, что скоро Стокгольм будет захвачен русскими полками, и, я ему верю.

– Но, сводная эскадра шведов, англичан и голландцев уже движется к Петербургу. Сможет ли их задержать Кронштадт? – Императрицу больше беспокоила личная безопасность, чем победы в сотнях вёрст от русской границы.

– Предлагаю адмиралу Грейгу в ближайшие дни всей эскадрой отбыть навстречу неприятелю. Несмотря на численное превосходство вражеской эскадры, на нашей стороне будут три торговых корабля Русской Дальневосточной кампании. Об их подвигах в океане все слышаны. Я уже встречался с капитанами, они гарантируют, что неприятель не выдержит огня их дальнобойных орудий. Кроме того, с сегодняшнего утра на восемь фрегатов русского флота устанавливают дальнобойные и скорострельные орудия графа Желкевского. Русские корабли смогут расстреливать корабли противника за пределами досягаемости шведских и английских пушек. С пушками граф Желкевский передал три десятка обученных канониров из своих крепостных мастеров. Уверяет, что обучены не хуже армейских артиллеристов.

– Это всё?

– Нет, если позволишь, государыня, с завтра начнём вооружение Кронштадта и остальных фортов такими же дальнобойными орудиями конструкции графа Желкевского. Ещё две батареи таких орудий установим на трактах, ведущих к столице с запада. Через месяц Желкевский обещал изготовить ещё три батареи, для обороны Петербурга с севера. Уверен, этого вполне достаточно, для защиты столицы.

– Хорошо, идите, господа генералы. Ты, Григорий Александрович, задержись.

На Чёрном море без участия Потёмкина, которого государыня не рискнула отпустить на юг в виду явной угрозы столице, граф Румянцев-Задунайский, главнокомандующий русскими войсками, развернулся всем своим талантом полководца. Если в прошлой войне с турками, при равном вооружении, Пётр Александрович одерживал блистательные победы над десятикратно превосходящими армиями турок, чего следовало ждать сейчас?

Правильно, хотя русские полки не успели полностью перейти на новое оружие, но добрая половина его была получена. Офицеры с опытом боевых действий в Юго-Восточной Азии сыграли свою роль, в спешном порядке обучали расчёты стрельбе из миномётов. Два месяца южная армия переходила на новые уставы, проводя еженедельные стрельбы из новеньких ружей и регулярные учения. Солдаты ворчали, еженедельно выкапывая вёрсты окопов, которые затем приходилось исправлять, после замечаний ветеранов Дальнего Востока. Ещё больше недоумения вызывали повышенные требования к гигиене, поголовное мытьё рук перед приёмом пищи, уборка территории, оправка строго в отведённых местах и прочие придирки. В некоторых частях недовольство рядовых пытались поддержать офицеры, но, с началом военных действий, все недовольные заткнулись, получив недвусмысленное предупреждение главнокомандующего армией об отправке ворчунов на восток, в тыловые гарнизоны.

В результате, к боевым действиям южная армия приступила в некотором ожидании и надежде на возвращение старой вольности, ярких побед и наград. Сухопутные войска южной армии форсировали Южный Буг, двинулись на юго-запад, навстречу турецким войскам. Румянцев спешил, опасаясь возвращения на юг князя Потёмкина, и, своего отстранения от командования войсками. Неприязнь Григория Александровича к талантливому тактику Петру Александровичу, зависть к его победам, была общеизвестна. Поэтому, основные русские силы упрямо спешили на юг, вглубь Османской империи, не отвлекаясь на осаду крепостей. Для их захвата оставались конноартиллерийские группы, вооружённые новыми скорострельными гаубицами и миномётами. Расход снарядов у таких штурмовых групп оказался непредвиденно высоким, обозные запасы таяли на глазах.

Зато результаты вышли неожиданные, даже для самого главнокомандующего. Узнав о достигнутых результатах и русских потерях в конноартиллерийских отрядах, он начал верить в рассказы офицеров о войнах на Дальнем Востоке. Крепости Очаков и Хотин были разрушены скорострельной артиллерией с недостижимого для турецких пушек расстояния за два дня. Отчаянные попытки осаждённых войск контратаковать, нарвались на мощный заградительный огонь миномётов. После этого штурмовать крепости не было необходимости, руины легко зачистили казаки, практически без потерь. Слухи о подробностях захвата крепостей опередили русскую армию, из-за чего комендант Измаила предпочёл сдаться после часовой артподготовки русской артиллерии. Захват основных турецких крепостей, на что русские генералы планировали затратить три месяца, удался за три недели, и, практически без потерь. Небывалый успех наступления окрылял, русская армия рвалась на юг, к Царьграду, стремительно продвигаясь вдоль западного черноморского побережья.

На Чёрном море адмиралу Ушакову приходилось сложнее, на его корабли новые орудия не поступили. Что не помешало русскому флоту дважды разгромить турецкие эскадры. При таком стремительном действии русских, у турок даже не возникло мысли, как в нашей истории, высадить десант на Кинбурнскую косу. Все силы турки бросали в Болгарию, в надежде остановить продвижение русской армии. Там, Румянцев продолжал с основными русскими войсками неумолимо двигаться вперёд, безжалостно перемалывая все попавшие под русский каток, турецкие полки и дивизии. Массированное применение миномётного огня, стрельба из ружей, на невиданную дистанцию сто пятьдесят-двести метров, разгоняла большую часть турецких войск ещё до прямого столкновения с русскими солдатами. В этой войне, впервые почти не было кровопролитных штыковых атак и рукопашных схваток. Потери в русской армии оказались неприлично малы, особенно не боевые, Румянцев при составлении докладов в Петербург стал опасаться незаслуженной славы хвастуна. Однако, уже на третий месяц наступления, русская армия столкнулась с типично русской проблемой всех будущих и прошлых войн. Нехватка боеприпасов и амуниции, с продуктами ещё кое-как решали проблемы сами, обездвижила боевые отряды. Патронов для ружей осталось полтора-два десятка на руках, артиллерийские обозы опустели полностью. Русское наступление захлебнулось в ожидании подкреплений, на побережье Чёрного моря в сотне вёрст от Варны.

На севере, тем временем, дела шли неплохо. Адмирал Грейг, крайне недовольный включением в свою эскадру каких-то торговцев, после показательных стрельб, проведённых мастерами Желкевского, сменил гнев на милость, но не более того. Он милостиво соизволил включить корабли РДК в свою эскадру, но, не поставил их в первую линию, на чём логично настаивал граф Никита. В результате, бой русской эскадры, по заносчивости адмирала Грейга, начался классическим построением в линию, где самые боеспособные корабли РДК оказались лишь в центре. А первым гордо шёл сам Грейг на единственном линейном корабле Русского флота, купленном, кстати, три года назад у РДК, бывшем британском линкоре, ныне носящем название «Пётр Великий». Именно «Пётр Великий» и открыл первый огонь по объединённой эскадре Британии, Голландии и Швеции. К счастью, все три корабля РДК и семь фрегатов,

вооружённых дальнобойными орудиями Желкевского, к этому времени успели войти в зону поражения своих орудий.

Передовые суда объединённой европейской эскадры, только начавшие вести прицельный огонь по сумасшедшему русскому адмиралу, рискнувшему первым напасть на вчетверо превосходящие силы противника, получили весьма неприятный сюрприз. Дальнобойные и скорострельные орудия, через голову четырёх передовых кораблей русской линии, за считанные минуты разметали весь авангард объединённого флота, потопив три линкора и шесть фрегатов, а ещё через полчаса две трети объединённого флота британских, голландских и шведских кораблей оказались неспособными вести стрельбу. Снаряды Желкевского, начинённые мощной взрывчаткой, выводили из строя корабли противника после одного-двух попаданий. Суда либо добросовестно шли на дно, получив несовместимые с плаванием пробоины в борту, либо горели, набирая воду в небольшие пробоины. Оставшийся невредимым флагман русского флота, едва успевал подавать команды в быстро изменяющейся обстановке. Но, нужно отдать Грейгу должное, русская эскадра при поддержке кораблей РДК и вооружённых скорострельными и дальнобойными гаубицами Желкевского фрегатов, не только разгромила объединённую эскадру Швеции, Голландии и Британии, в районе острова Готланд.

Восхищаясь возможностями полученных орудий, бывший офицер флота Его величества, ещё десять лет назад служивший под британским флагом Грейг, не упустил возможность показать своим сослуживцам русскую мощь. Зря, что ли, ему пришлось столько лет терпеть усмешки и не скрываемое презрение британских моряков, после перехода на русскую службу? Бывшие приятели улыбались краем рта русскому адмиральскому чину, полученному Грейгом. Теперь, войдя в азарт сражения, адмирал рискнул уйти от классической схемы боя, и захватил остатки кораблей противника, не дав уйти никому. Выпустив для этой цели быстроходные паровые катера, легко догнавшие пытавшихся сбежать капитанов. Надменные морские снобы, даже убегая, не приняли юрких корабликов всерьёз, но быстро одумались, получив серию осколочных снарядов на артиллерийскую и верхнюю палубы. В результате, половину трофеев русские захватили уже без капитанов кораблей, посечённых осколками насмерть.

Сам Грейг настолько воодушевился трофеями, в число которых попали три линейных корабля и восемь фрегатов, что лично посетил все захваченные корабли. Обошёл артиллерийские палубы призов, расставил на трофеи сборные команды из четырёх затонувших русских кораблей. Затем приказал перевезти всех пленных капитанов на свой флагман, с преувеличенной любезностью, предложив им быть гостями. И, на обратном пути, воодушевлённый фантастическим успехом, разрешил части эскадры заглянуть на рейд Стокгольма, где дальнобойные орудия уничтожили не только береговые батареи, прикрывавшие шведскую столицу с моря. Русские моряки разнесли все портовые сооружения, захватив в плен ещё два десятка шведских торговых парусников, которые привели в Петербург. Всё это на глазах мрачных пленников, офицеров британского, голландского и шведского военных флотов. И, почти нескрываемые ухмылки Грейга и его офицеров.

Неделю продолжались праздничные фейерверки, и гулянья в Петербурге по случаю небывалой победы русского флота. Однако, делу время, а потехе час. На сей раз не выдержал Потёмкин, страшно завидовавший славе Грейга, и решивший его перещеголять в глазах императрицы. Опасаясь, что после небывалого разгрома на море и успехов армии Суворова в Финляндии, шведы запросят мира, светлейший князь разработал дерзкую операцию по высадке десанта в Стокгольме. Благо, к этому времени в столицу подошли десять полков из Москвы и западных губерний. Вооружение у этих войск было старое, но Григорий Александрович справедливо полагал, что справится. И, уговорил императрицу на свой план, она дала согласие, назначив Потёмкина командующим русским десантом.

Ещё две недели прошли в спешной подготовке, после чего огромная по русским меркам эскадра кораблей из полусотни вымпелов, направилась на северо-запад, к Стокгольму. Столица

Швеции ещё не отошла от шока, в город подходило ополчение, порт ремонтировался, оружейные батареи судорожно восстанавливались. Увы, трёх недель не хватило доблестным шведам для восстановления надёжной защиты столицы. Корабли Грейга походя смахнули недостроенную оборону, а князь Потёмкин-Таврический первым высадился на шведскую землю. Сопротивлялись столичные войска один день. Рано утром парламентёры уже стояли у дома, где почивал светлейший князь. Ждать им пришлось добрых два часа, хотя Григорий Александрович давно не спал. Он обдумывал условия самого выгодного для России, и себя лично, мира со Швецией. И, додумался, оставив для переговоров со шведами генерала Репнина, которому передал свои рукописные инструкции.

Сам же светлейший князь, посчитав захват Стокгольма недостаточным подвигом для своей славы, грузил войска обратно на корабли. Не все, конечно, только семь полков, оставляя три полка для защиты захваченной столицы до подхода армии Суворова. Аппетит, как известно, приходит во время еды. Потёмкин спешил, пока держится попутный ветер, и слухи о падении Стокгольма не достигли Голландии. Настолько спешил, что рискнул и велел эскадре двигаться круглосуточно, ночью идти по ориентирам прожекторов кораблей РДК, которые вели за собой армаду вторжения. Так, в тумане ночи вся эскадра тайно прошла датские проливы, воспользовавшись тем, что союзная Дания не исполнила своего союзнического долга, и пропустила флоты вражеской Британии и Голландии через датские проливы. И Потёмкин, и Грейг вполне обоснованно не доверяли таким союзникам, избежав стоянки и обычных формальностей в Копенгагене.

Всё обошлось, и ранним утром русская эскадра входила в залив Зейдер-Зе, приближаясь к порту Амстердама. Капитаны РДК, часто бывавшие в Амстердаме, отлично знали расположение береговых батарей, и заранее распределили силы подавления. А Грейг и Потёмкин, уняв гордыню, прислушались к их рекомендациям. В то утро жителей голландского порта и многочисленных торговых моряков разбудила неслыханная артиллерийская канонада. Пушки стреляли так часто, будто по берегу били не семь, а семьдесят кораблей. Впрочем, грохот гаубиц быстро закончился, а на берег уже сходили первые батальоны русской пехоты. Ни единого выстрела с берега из пушек по кораблям так и не было, голландцы лишились береговых батарей за неполные двадцать минут. Пехотинцы дважды пытались организовать оборону в глубине города, но, чудесным образом корабли РДК открывали огонь по любому более-менее крупному очагу обороны. Русские пушки стреляли далеко и точно, с третьего-пятого выстрела, то есть, за пару минут, нащупывая вражеские позиции, на расстоянии до пяти вёрст от порта. Объяснялось всё просто, среди штурмующих отрядов были три группы с носимыми рациями из абордажных команд кораблей РДК. Поэтому, корректировка огня бортовой артиллерии проходила в прямом эфире, так сказать.

Передовые отряды десанта ещё вели перестрелку с остатками голландских сил обороны, когда светлейший князь лично поднялся на первый захваченный приз. Им оказался огромный голландский торговый корабль, только накануне прибывший с товарами из Вест-Индии. Безоруженный капитан мрачно смотрел исподлобья на бойких русских солдат, разбегавшихся по трюмам. Владелец судна, не менее мрачно подсчитывавший убытки, также стоял рядом, но пытался узнать свою судьбу и поторговаться за свой товар, по торговой привычке. Увы, светлейший князь умел торговаться не хуже голландца, потому разговора не получилось. Мельком окинув взглядом трюмы с мешками какао, тюками хлопка и бочонками сахарного сиропа, Потёмкин торопился перебраться на следующий приз, и так далее. Эти приятные походы продолжались до вечера, пока удовлетворённый размером добычи Григорий Александрович не отправился на флагманский корабль, принимать отчёты офицеров и квартирмейстеров.

Три дня продолжался азартный грабёж города и торговых складов, свою лепту в это увлекательное мероприятие вложили и капитаны трёх судов РДК. Пять семей знаменитых амстердамских ювелиров, пытаясь избежать грабежей и разорения, подписали контракты на

переезд в Беловодье. И правильно сделали, потому, что остальных ювелиров славного Амстердама, ограбленных до нитки оккупантами, вывезли в Санкт-Петербург абсолютно бесплатно, со всеми домочадцами. Кто подсказал Потёмкину, что в русской столице скопилось много необработанных драгоценных камней, неизвестно. Возможно, что и сам князь не дурак, он понимал толк в драгоценностях. Однако, именно с «приглашения» голландских ювелиров в столицу России начался расцвет «русских украшений», ставших законодателем мод в Европе на два последующих века.

Пока же, напуганные москвитями бюргеры молчали, ожидая подхода голландской армии. Она торопилась, все офицеры, включая командующего, с ужасом представляли величину убытков, которые им могут поставить в вину всемогущие торговцы. Потому обе дивизии Нидерландов наступали на захваченный врагом город без длительной разведки, удостоверившись рассказами беженцев о немногочисленности русской пехоты и полном отсутствии береговой артиллерии. Одна из лучших армий Европы приступила к освобождению города с марша, без организации артобстрела, в виду безнадёжно отставшего обоза. За что и была наказана беглым миномётным огнём, в течение часа разбившим не только обе дивизии. Увы, русские миномёты лишили захваченный город последней надежды на освобождение.

Не успели пленные собрать трупы и похоронить всех в общей могиле, как к флагманскому кораблю русской эскадры подошла делегация горожан с предложениями о мире. Чему Потёмкин был удивлён.

– Как же вы без своего статхаудера Вильгельма ведёте разговор о мире?

– Господин генерал, мы согласуем со статхаудером достигнутые договорённости. Уверю Вас, он их подтвердит, лишь бы Вы согласились.

– Хорошо, проходите к столу, начнём разговаривать.

.....

– Вот так, Пётр Александрович, пока мы с Вами топчемся под Варной, светлейший князь Стокгольм и Амстердам захватил, переговоры о мире готовит. А корабли с трофеями не успевают в Петербурге разгружать. – Палыч налил себе болгарского вина и пригубил, вспоминая забытый вкус. – Цена кофе, говорят, вдвое упала, а сахар в три раза дешевле продают, спешат склады под новые трофеи освободить. Такие вот дела, граф.

Вчера Невмянов добрался до армии Румянцева в составе флотилии из двадцати кораблей РДК, гружёных оружием и боеприпасами. Все корабли были вооружены нарезными сто миллиметровыми гаубицами, имели дополнительные паровые двигатели, кроме парусного снаряжения. Эту эскадру снарядили спешно, едва дошли сведения о начале войны, Невмянов сразу понял, что русское наступление захлебнётся по одной, исконно русской причине. Её знает любой, кто хоть год служил в русской армии. А заводы Желкевского в Петербурге не смогут вовремя поставить снаряды и патроны Румянцеву, все мощности направлены на вооружение Грейга и Суворова. Так, что очередная русско-турецкая война рисковала затянуться, что совсем не в интересах России.

Там веками ничего не меняется. И я, барон Быстров, согласился с ним, чай, оба помнили Россию. Пока собирали флотилию, грузили боеприпасами, родилась дерзкая идея, избавить Россию от будущих войн с Турцией – захватить Проливы раз и навсегда. Уж их-то ни один русский император не вернёт назад, это не Аляска и не Ионийский архипелаг. Глядишь, и повода втянуть Россию в европейские войны не будет, в девятнадцатом и двадцатом веках, как в нашей истории. Мы помним, что во многих европейских кампаниях, вплоть до первой мировой войны, Россию втягивали в кровопролитные бои за чужие интересы в Европе обещанием Проливов. И, как обычно, обманывали, а, русские идиоты-цари с немецкой кровью верили и проливали кровь русских солдат за британские, австрийские и французские интересы. Тем более, что после поражения на Балтике, британцы и голландцы возразить не смогут. А

турецкие союзники – французы заняты начинающейся революцией. Да и не успеют, при всём желании, а Екатерина Вторая не отдаст ни пяди захваченных земель, не тот характер.

Благо, проблем с совместимостью оружия и боеприпасов с изделиями Желкевского у нас не было. Мы изначально согласовали калибры, а позднее регулярно проверяли всё на практике, вплоть до обмена контрольным инструментом. Поэтому грузили корабли снарядами, патронами и миномётными минами, не забывая экипировку, наступательные гранаты и прочую мелочь. Долго не могли решить, кто поведёт караван, чтобы стать более-менее авторитетом для Румянцева. Самолюбивый граф Румянцев-Задунайский мог принять боеприпасы и наплевать на любые рекомендации, поэтому пришлось подумать, чем его заинтересовать, хорошо подумать. Выходило, придётся плыть одному из нас, вернее, Ивану Палычу. Не мне, гражданскому штафирке, разговаривать с генералом на равных. А личность Невмянова хорошо известна офицерам, побывавшим на Дальнем Востоке, его уважают, и, наверняка прожужжали все уши о легендарном Палыче своему генералу, ныне фельдмаршалу.

– Иван Павлович, я весьма благодарен за помощь, за боеприпасы, за подарки. Но, с каких пор Вы командуете мной, русским фельдмаршалом? Самой государыней назначенной главнокомандующим русской южной армией!! – Сорвался Румянцев, бросив подаренный ему карабин на стол. – Это не Ваше дело, где и как будет воевать русская армия!

– Я не спорю с этим, ваше высокопревосходительство. Я простой человек, и то, что мои отряды захватили шесть королевств и три султаната, ничего не значит. Это азиаты, дикари. Но, иной возможности захватить Проливы у России не будет. Более того, я бы захватил их сам, три дня назад, когда с боем проходил Дарданеллы и Босфор. Думаю, Вы не сомневаетесь в том, что моя эскадра подавила береговую оборону? И мы легко повторим это на обратном пути, жаль, нет людей для десанта. С Вашими силами можно легко захватить не только Константинополь с его пушечными фортами, но и береговые батареи Дарданелл. Подумайте, насколько легче будет заключать мир с султаном, если его столица будет захвачена? А скольким русским солдатам и офицерам сохранит жизнь этот десант? Захватом Проливов, мы практически закончим войну с Турцией. Вы опытный генерал, в Константинополе сейчас нет добрых войск, лишь султанская гвардия. Они не воевали отродясь, только на парадах ходят.

– Кроме того, Пётр Александрович, через пару месяцев на севере заключат мир. Полагаю, Вы не сомневаетесь, что светлейший князь тут же отправится сюда. Тогда всё, чего Вы добились, станет его заслугой, а Вы можете оказаться в роли коменданта Измаила. Сейчас у Вас, а не у меня, есть шанс заслужить бессмертие. Россия в веках запомнит имя полководца, захватившего Царьград, как помнят Вещего Олега, прибившего свой щит на врата этого города тысячу лет назад.

Эта фраза оказалась последней соломинкой, сломавшей спину верблюда. Главнокомандующий русской армией граф Румянцев-Задунайский дал приказ на погрузку десанта на корабли флотилии РДК, не дожидаясь подхода русского черноморского флота под командованием Фёдора Фёдоровича Ушакова, отсутствие быстрой связи подобное ожидание делало неопределённым по сроку. Прославленный адмирал дуэлировал с турецкой эскадрой где-то на просторах Чёрного моря второй месяц. Увы, неизбежный русский бардак растянул погрузку армии на корабли на восемь дней. Но, уже утром девятого дня эскадра бойко шла в сторону Царьграда, до которого оставалось совсем немного. На кораблях поместились всего десять тысяч русских солдат и офицеров, остальные получили приказ захватить Варну и продолжить движение на юг, благо на берегу, с учётом подошедших подкреплений осталось почти двадцать тысяч русских солдат. Вполне достаточно, чтобы разбить любую турецкую армию.

Высадку в Константинополе решили провести утром, ещё в темноте подойдя вплотную к Босфору, и с первыми лучами солнца начали артподготовку. Одновременно с подавлением береговых батарей началась высадка десанта на оба берега пролива. Гаубицы кораблей РДК перенесли свой огонь на турецкие и британские корабли, на которых проявилось некоторое

шевеление и попытки развернуться бортом к русской эскадре. После затопления трёх ближайших судов, остальные демонстративно спустили паруса и закрыли пушечные порты, показывая свои мирные намерения. Ближе к обеду на захваченные батареи по обоим берегам пролива стали выгружать гаубицы и миномёты, потянулись шлюпки с боеприпасами. Увы, за день выгрузить достаточное количество вооружения не удалось. Пришлось задержаться до следующего дня, освещая оба берега прожекторами.

Ночь прошла спокойно, но с рассветом турки попытались отбить батареи, отправив на штурм до десяти тысяч янычар по каждому берегу, возможно, и больше. Видимо, надеялись подавить численностью, опыт двух месяцев боевых действий против армии Румянцева ничему турок не научил. Миномётный огонь продолжался менее двадцати минут, полностью развеяв любые попытки турецкого реванша. После этого заговорили гаубицы с кораблей РДК, выпустили по Константинополю по пять снарядов каждая. Очень мало для огромной столицы империи, если не считать, что половина снарядов разрушила султанский дворец, а вторая часть изрешетила все казармы янычар. Такая демонстрация мощи и дальнбойности орудий надолго отобьёт охоту султанских гвардейцев атаковать русских десантников.

Потому, ещё до полудня половина эскадры двинулась вперёд, спеша добраться до следующего пролива – Дарданелл. Туда шли также, чтобы подгадать к рассвету, и полностью повторили предыдущие действия. Уже более слаженно, без суеты и лишних телодвижений. А Константинополь остался под хищным прицелом десяти кораблей РДК, вооружённых страшным для восемнадцатого века оружием, гаубицами калибра сто миллиметров, способными послать снаряд, начинённый тринитротолуолом на расстояние до семи километров. Босфор и захваченная часть Константинополя остались в надёжных руках. С захватом Дарданелл сложилось ещё проще, часть береговых батарей турки так и не успели восстановить после разгромного общения с русской эскадрой две недели назад. Высадка русского десанта, после непродолжительной артподготовки, прошла спокойно, турецкие артиллеристы успели отступить, бросив форты без охраны.

На сей раз, русские артиллеристы обживались в захваченных укреплениях уверенно, без нервотрёпки. Организовали оборону не только пролива, но и защиту от атаки с суши. Хотя, все знали, что здесь атаки с берега на захваченные батареи не будет, потому действовали спокойно. Немногочисленные казацки разьезды, отправленные на разведку, подтвердили предположение Невмянова об отсутствии любых турецких войск ближе сорока вёрст. Эскадра два дня стояла у русских (уже!) батарей, прикрывая их с моря. Ничего не происходило на берегу, туркам явно не приходило в голову атаковать русских. Подождав еще два дня, Румянцев проверил на берегу, как устроили оборону, сейчас он не стеснялся советоваться с Палычем. Сойдясь во мнении, что оборона достаточна при имеющихся силах, оба вернулись на борт флагмана.

– Сообщение, Иван Палыч, из Петербурга. – Вполголоса доложил Невмянову дежурный радист флагмана, которым определили любимый корабль «Север», едва они с Румянцевым поднялись на палубу.

– Что там? – Пётр Александрович еле дождался, пока Палыч прочитает стандартный бланк радиограммы. Тот, молча, протянул ему бумагу. В ней сообщалось о заключении мира с северными врагами. Голландия предоставляла место на побережье для военно-морской базы русскому флоту и беспошлинную торговлю русским купцам, Швеция лишилась всей Финляндии, островов на Балтике, плюс беспошлинная торговля для русских купцов. Британия и Пруссия отделались лёгким испугом, даже без контрибуции и беспошлинной торговли. После заключения этого мира Турция оставалась в одиночестве против русской армии. Надежды султана на вступление в войну Австрии на стороне турок не оставалось, скорее, цесарцы постараются урвать часть Османской империи, выступив на стороне русских. Когда султан узнает о результате войны на севере, до мирных переговоров останутся считанные дни.

– Надо спешить! – Так отреагировал Румянцев, возвращая бланк Невмянову. – Это ваша неофициальная переписка?

Невмянов и радист молча кивнули.

– Война с Турцией продолжается, предлагаю навестить Измир, он тут рядом. Боеприпасов, полагаю, хватит? Возьмём один полк и захватываем порт Измир, все суда в нём, грузим их доверху и возвращаемся. Пусть наши подарки государыне не уступают дарам светлейшего князя!

Палыч не ожидал такого прагматизма от старого служаки, но, с удовольствием согласился. Следующие дни плаванья напомнили ему старые подвиги в Индо-Китае. Русская эскадра захватывала все встречные суда – турецкие, британские, голландские, солдаты высаживались на берег и методично грабили города, загружая трофеи. Румянцев спорил с градоначальниками, выбивая из них выкуп в золоте и серебре. Потом перегруженная эскадра, почти без боеприпасов, медленно ползла обратно, к Проливам. Там, слава богу, всё было нормально. Русские батареи стояли крепко, более того, скучавшие в Босфоре офицеры захватили десяток британских и турецких кораблей, наполнив их трофеями. К этому времени к Босфору подошла эскадра Ушакова, страшно сердитого на Румянцева за то, что его моряков лишили участия в великой победе, в захвате Константинополя и Проливов. Но, по предложению Палыча, Фёдор Фёдорович согласился выйти в Средиземное море и прогуляться до Александрии. Благо, старый морской волк не подозревал о заключении мира на севере, и надеялся встретить британцев, после чего пограбить султанский Египет.

Собственно, больше ничего интересного в ту войну не случилось. После заключения мира с османами, Палыч получил от государыни Екатерины титул барона, звание контр-адмирала русского флота. Ответным жестом подарил два корабля с вооружением адмиралу Ушакову, в смысле русскому флоту, конечно. Русские военные базы в Проливах, конечно, остались. Вместе со знаменитой мечетью Айя-Софи, превращённой обратно в православный храм Святой Софии, и частью старого Константинополя. А от требования предоставления независимости Румынии и Болгарии вместе с Грецией, Желкевскому удалось государыню отговорить. На кой чёрт нам эти братья-славяне, которые обе мировые войны против нас воевали? Зато Молдавию и Бессарабию Россия включила в свой состав, проведя границу с Османской Империей по Дунаю и его притоку Сирету, а не по Пруту, как в нашей истории.

Вернулись наши корабли в Невмянск поздней осенью 1789 года, Палыч возвращался через всю Европу, навестил беловодских резидентов и представителей. Навёл, так сказать, полный порядок в делах, проверил «кассовые книги» и прочие учёты. Почти половина команд с кораблей эскадры осталась в европейских странах работать на суше, часть резидентов отправилась «на каникулы» в Беловодье отдохнуть, на переподготовку. Были заключены новые договоры с европейскими потребителями на поставки оружия. Иван завербовал в Европе две тысячи толковых мастеров и молодых парней с семьями на переселение в Беловодье. Время зря не терял. Жаль, не удалось у англичан Гибралтар отобрать, под шумок, так сказать. Ну, ничего, впереди ещё два века необъявленных войн, почти по Хемингуэю, успеем получить контроль над Средиземным морем. Тем более, что Чёрное море стало практически внутренним морем России, Османской империи запретили строить на нём военные корабли, да и через Проливы мы боевые корабли ничьи не пропустим. Вернее, не мы, а русские гарнизоны береговых батарей. Кстати, ни копейки за доставленные боеприпасы, мы не получили. Да и чёрт с ним, для России не жалко, тем более Палыч повеселился, да и моряки наши опыт получили европейский. И, честно говоря, трофеев из Турции и Амстердама привезли достаточно.

И нам, на Востоке, было, чем заняться. Под шумок войны Голландии и Британии с Россией, которая длилась менее полугода, мы на Дальнем Востоке воевали с голландцами и британцами добрых полтора года. Пользуясь разницей в получении информации по радио и письмами от прибывших капитанов кораблей, войну мы начали одновременно с Евро-

пой, а закончили почти на девять месяцев позже, когда получили письменное подтверждение от нескольких посланников из Голландии, Британии, Франции и России. За эти месяцы наши десанты отобрали все голландские колонии на Малаккском полуострове, на Цейлоне, на восточном побережье Индостана, на Суматре и других островах. Так, что к весне 1789 года к востоку от Цейлона остались лишь французские и испанские колонии, не считая русских, то бишь Беловодья. Тихий океан получал все шансы стать внутренним океаном двух империй – Испании и России, о чём Никита Желкевский не преминул сообщить государыне и прочим заинтересованным лицам, вызвав панику среди европейских политиков. Ещё бы, за каких-то пятнадцать лет Россия ворвалась в закрытый клуб крупнейших колониальных держав, лишив Британию самых прибыльных колоний.

Не все захваченные голландские колонии мы брали себе, после изгнания голландцев. Командиры десантных частей оставались на освобождённых землях и налаживали взаимодействие с местными властями. В зависимости от сил и настроения местных властей, наши представители и решали вопрос о независимости бывшей колонии. Часть княжеств, в основном на Суматре, стали формально независимыми, подписав договоры с Беловодьем о экономическом и военном сотрудничестве. Эти новообразованные султанаты и княжества сразу принялись закупать наше оружие, выделяя территории под военно-морские базы Беловодья. Теперь, как правило, землю под такие базы просто дарили, да ещё уговаривали взять, опасаясь возвращения бывших колонизаторов или нападения соседей. Причём наши представители продолжали жёсткую и циничную политику продавливания военных союзов с Беловодьем. Два княжества, самонадеянно отказавшихся сотрудничать с русскими, слишком сильны там оказались европейские ставленники, через неполный год оказались оккупированы соседями, получившими вооружение и военных советников из Беловодья. Очень наглядный пример, и подействовал неплохо. Во всех странах Юго-Восточной Азии стало дурным тоном плохо отзываться о русских, или, не дай бог, ссориться с ними.

Да, чуть не забыл, у Османской империи мы всё же получили лакомый кусок, успели за время военных действий выстроить военно-торговую базу на побережье Персидского залива неподалёку от Басры. В общий мирный договор эта база не вошла, но после его окончания мы заплатили за территорию побережья. Причём дважды. Сначала деньгами подкупили местных чиновников, чтобы узаконить наши причалы и склады. Потом заплатили оружием аж самому султанскому визирю, чтобы тот выдал нам соответствующий фирман на вечное владение восемью квадратными вёрстами побережья. Обошлось нам это в пять тысяч «Луш» с патронами, по себестоимости около двадцати тысяч рублей серебром. В принципе, недорого, учитывая, что беловодская армия давно не вооружается «Лушами», полностью перешла на помповики и пятизарядные нарезные карабины.

Теперь оставалось переварить захваченное, и грамотно распорядиться полученными преференциями. Палыч даже шутил, что ему, как барону, можно собственное баронство основать, где-нибудь на Мадагаскаре, примерно. Чем чёрт не шутит, может, и придётся образовать баронство?

Невмянск. 1790 год

Вчера мы с Палычем отметили двадцать лет нашего перемещения в прошлое, заочно с нами подняли бокалы Никита в Петербурге и Володя в Таракановке. Вспомнили всех старых знакомых и родных, оставшихся ТАМ. Хоть и общались на закрытом КВ-диапазоне, но, по советской привычке, говорим о своём прошлом намёками, открытым текстом двадцать первый век не вспоминаем. Мало ли, какой радиолюбитель подслушает? Два часа сидели в эфире, болтали, хвастались последними успехами, согласовывали общие планы. Приятно, словно встретились наяву. Очередной раз договорились о личной встрече, самое позднее, через два-три года. Кто знает, может и получится, да ещё в Таракановке. Екатерина Вторая, не прошло и пяти лет после подписания Пекинского мирного договора, как направила на Дальний Восток Амурского губернатора Ржевского, ждём, как себя поведёт. Не затянет ли болото жадности, сможет ли разумно распорядиться возможностями. Будем, как говорится, посмотреть.

У меня после общения с ребятами самочувствие, как у подростка. Все хвори исчезли, так и подмывает бегать, прыгать и отправиться в путешествие, хоть куда. Дай бог, если надолго такое сохранится, а то последние три года моя жизнь превратилась в череду хронических заболеваний, переходящих один к другому. Началось всё с зубов, начавших выпадать с пугающей регулярностью, десны распухали, кровоточили. Врачи-европейцы пугали цингой, азиаты ничего не говорили. Совместными усилиями удалось привести мои челюсти в норму, даже коронки из слоновой кости нацепили. Не успел пожить спокойно, простыл и проснулся хронический же насморк. Дальше – больше, радикулит, ревматизм, называемые европейскими врачами абсолютно иначе. Но, мой отец рано начал у себя радикулит лечить, его симптомы мне с детства запомнились. Так, что, занимался самолечением, при посильной помощи массажистки из Аннама.

Грешным делом, подумал, что меня травят тихонько. Всех приближённых слуг проверили, выявили даже один вялотекущий заговор, направленный против шеф-повара. Тот не брал на работу своего племянника, непременно желавшего работать во дворце. Мол, плохой из него повар, пусть ещё потренируется, родная сестра и заступилась за сыночка, подсиживая шеф-повара. Теперь племянник с группой заинтересованных лиц работает в беловодской Калифорнии, в лучшем ресторане Форт-Росса, выстроенном его матерью, не бросившей сыночка одного. Хороший ресторан, корейский, с русским названием «Беловодье».

Политику высылки с острова нарушителей Положения и просто неуживчивых буйных людей, мы планомерно соблюдаем все эти годы. Первое время приходилось отправлять в Австралию много айнов, доходило до двух сотен за год, не считая русских драчунов и хитрецов-промышленников, норовящих загадить природу. Видимо, подобная мера, вернее её строгое соблюдение, невзирая на чины и лица, возымела действие. Остров Беловодье за прошедшие годы стал больше походить на Германию, нежели на Россию, несмотря на азиатские лица доброй половины горожан.

Поездки молодёжи в Европу не прошли даром, градоначальники Невмянска и других городов навели строгий архитектурный надзор по строениям, правильной планировке улиц, их покрытию, да и в целом, по неукоснительному соблюдению правил поведения горожан и чистоты. Благо, уровень жизни беловодцев настолько вырос, что желающие жить в городах беспрекословно исполняли обязанности, связанные с чистотой и порядком. Теперь многие нарушители умоляют их не высылать, соглашаясь с огромными штрафами и молчаливо выдерживая порку. Такого понятия, как бездомные или нищие, подрастающее поколение острова не знает. Работы хватает для всех, а неудачники и дурачки быстро находят своё пристанище в нескольких монастырях, где трудятся в меру возможности под присмотром монахов. Тюрьмы, как таковой, на острове Белом так и не выстроили. Приговорённые судом к высылке преступ-

ники ожидают своего транспорта в карантинном городке. Благо, сообщение с Калифорнией и Австралией ежемесячное.

Да и откуда на острове настоящие преступники? Контрабандистов нет по определению, никакой пошлины мы с иностранных торговцев не берём, да и вывозных пошлин нет. Как говорится, в порту рады любому клиенту, лишь бы платил. Наркоманов нет, опиум и марихуана запрещены, несколько заблудших наркошей вместе с их поставщиками давно расчищают 4–площадки под взлётные поля на Новой Гвинее. Неработающих нет, а редкие кражи раскрываем на 70%, скупщиков краденого тоже нет. Все, кто пытался этим заниматься, строят капитализм на Новой Зеландии. Вернуться обратно, даже под чужой фамилией, преступники не смогут, дактилоскопия и фотография на острове очень развиты. Редкие гастролёры, как в любом портовом городе, встречаются, но, что делать, издержки свободной торговли. Да, совсем забыл, независимых проституток нет, все объединены в своеобразный профсоюз, с ежемесячным медицинским освидетельствованием, и работают исключительно в портовых «Весёлых домах», без права выхода в город.

Так вот, болезни обострили мою память, как ни странно. Неожиданно я вспомнил об электрических методах лечения и профилактики заболеваний. Имею в виду воздействие на организм токами высокой и низкой частоты, прогревание ультрафиолетовыми лучами. Да, да, именно этими приборами с середины двадцатого века заполнены все кабинеты лечебной профилактики. И, мне ещё в тридцать лет пришлось лечить токами высокой частоты приступ радикулита, хватило пяти сеансов. Потому и вспомнил о подобном лечении во время очередного обострения болезни. Уровня наших радиотехников хватило, чтобы собрать подобные генераторы за несколько недель. Испытания не стали ускорять искусственно, но, года оказалось достаточно.

И, с 1792 года новейшее средство лечения болезней электричеством, как мы навали частотные генераторы, быстро распространилось по Беловодью. Через год сразу пять лечебных пунктов организовал в Петербурге Желкевский, получив дополнительный источник информации в виде сплетен и жалоб бездельников высшего света. А через пару лет первые пункты профилактики стали организовывать наши резиденты в европейских странах, совмещая зарабатывание денег с получением информации. Мы с Иваном, ввели курсы частотной профилактики в свой образ жизни, устраивая пятиразовые сеансы дважды в год. Весьма полезная штука, доложу я вам, особенно во влажном и туманном климате острова Белого. С годами электрическое лечение стали назначать беловодские врачи, особенно доктора и фельдшеры последних выпусков медицинской академии.

Русский форпост на побережье Калифорнии разросся за последние пять лет, когда в Европу просочились слухи о добыче золота. Нет, потока иностранцев из САСШ, пока не хлынуло. Реки Миссури и Миссисипи оставались незаселёнными дальними западными границами новоиспечённого оплота демократии. Ещё бы, добрую половину переселенцев в Америку из Европы, а то и больше, перехватывают наши вербовщики. Неплохо развернулся на этом поприще Никита Желкевский, он практически до дна выбрал инженеров и мастеров из Швеции, Саксонии, Пруссии, Богемии, установил неплохие связи с Францией. Под шумок Великой Французской революции и мы вывозим из обезумевшей страны мастеров, инженеров, учёных, музыкантов и художников, но до Никитиных масштабов нам далеко. Не удивлюсь, если он с присущей ему хваткой весь Лувр в Россию перевезёт, нисколько не удивлюсь.

Так, что в САСШ, в этот «оплот демократии», поток переселенцев резко ослабел. Туда устремились в основном преступники, которым нет места в России, да англосаксы из Британии. Большинство ирландцев, составлявших заметную часть англоговорящих переселенцев в нашей истории, теперь не желают жить в Америке. Который год на Изумрудном острове идёт война против британского владычества. Мы её поддерживаем не только поставками оружия и немногочисленными советниками. Беловодские корабли регулярно вывозят с острова бежен-

цев из британской зоны владычества, которые с удовольствием перебираются в Австралию, где проходят обучение военному делу. После этого, мужчины, как правило, возвращаются на Изумрудный остров, воевать за свободу родины, а женщины и дети остаются ждать результата на пятом континенте. Так, что можно представить, насколько поредел поток переселенцев в САСШ, если в нашей истории британские эмигранты составляли не более 10% всех эмигрантов, прибывших за лучшей долей за два века. По подсчётам самих американцев, за двести лет в САСШ переселилось не более пяти миллионов британцев. Путём несложных арифметических подсчётов понятно, что движение переселенцев на Запад практически остановилось. К 1790 году до берегов Миссури и Миссисипи дошли редкие смельчаки. Городов там до сих пор нет, кроме будущего Нью-Орлеана. Пока чисто французского города. Просто некому строить новые города, нет прежнего потока эмигрантов, не говоря о том, чтобы преодолеть бескрайние прерии Среднего Запада.

Нет, основной приток поселенцев, золотоискателей и авантюристов шёл в Форт-Росс с Дальнего Востока, русского Дальнего Востока. Да и сам Форт-Росс основали беловодцы два года назад, вполне возможно, не на том месте, что в нашей истории. Зато пять острогов на тихоокеанском побережье Северной Америки Фаддей выстроил, поставив под контроль почти две тысячи вёрст (километров) побережья. Теперь от испанских поселений в Калифорнии, до границ с Аляской, побережье Тихого океана в наших, русских, беловодских руках. Второй год это побережье заселяют переселенцы под беловодским флагом, в большей степени японцы и корейцы, но и русских хватает. Власть там наша, и, иного флага над этими землями поднять мы не дадим. Фаддей получил на этот счёт строгие инструкции. Тем более, что поток переселенцев на благословенный, сказочный, богатый Дальний Восток продолжает нарастать.

Немцы, шведы, поляки, разбавленные русскими беглыми крестьянами и обнищавшими дворянами-однодворцами, целыми семьями и деревнями отправлялись на Восток. К тому времени железнодорожная трасса Петербург-Москва-Нижний Новгород стала наезженным торным путём, по местным меркам необычайно быстрым, больше построить пока не успели, сдерживают реки. Свою роль сыграла железная дорога Москва-Донецк-Таганрог. Прокатившись по ней, в купейном вагоне с индивидуальными сануздами, государыня настояла на немедленном строительстве дороги от Питера до Москвы. Ежегодные переезды императорского двора из столицы в Москву на зимние квартиры и обратно, мало того, что занимали почти месяц, по распутице, грязи, с минимальными удобствами, давно не доставляли особого удовольствия стареющей императрице. Надо ли сомневаться, что подряд получил Никита и воспользовался такими возможностями максимально. Не только в смысле личного обогащения, а скорости строительства и развития железнодорожного сообщения в России. Императрица издала специальный указ, обязавший все власти и собственников беспрепятственно и бесплатно выделять земли под железнодорожные линии. На фоне успешного завершения дороги, соединившей две столицы, Желкевский образовал акционерное общество, отгадайте с каким названием? Конечно, Российские железные дороги.

Вот, это ОАО РЖД и тянет свои линии на запад и восток России. Вчера Никита уверял, что до Сарапула доберутся года за три, не позже. А уж из Сарапула железная дорога давным-давно проложена на восток, силами Володи Кожевникова, через Воткинск до Перми, оттуда в Екатеринбург и дальше в Челябинск, где и заканчивается благополучно. Дальше на восток начинаются караванные тропы и наезженные ямщиками тракты. По ним и бредут многочисленные переселенцы на Дальний Восток и Калифорнию, дёшево и сердито. Наших сил и средств не хватило на организацию сети постоянных дворов и охраны от разбойников на протяжении всего пути до Белого Камня.

Занялись мы этим делом недавно, года три назад. И, пока обустроили лишь участок от Белого Камня до Иркутска, где разместили шестьдесят три зимовья на всём протяжении пути через горы, с расстоянием в один дневной переход. Но, уже три года эти зимовья прини-

мают путников, самое главное, русские могут беспрепятственно выезжать на Дальний Восток, по торговым и личным делам. Дорогу через горы от Белого Камня до Иркутска, которую мы начали едва ли не десять лет назад, удалось завершить лишь нынче. Получился удобный тракт с щёбёночным покрытием, пятиметровой ширины. И, год назад из Белого камня по обочине тракта приступили к прокладке железнодорожного пути, думаю, управимся за пару лет, рельсов запасено уже на треть дороги. Бог даст, к тому времени железнодорожная линия замкнётся, и путь на Дальний Восток станет быстрым и безопасным.

Золотоискатели и переселенцы из Европы, благодаря нашим многочисленным листовкам и печатным рекламам, доподлинно знали о развитой промышленности на Русском Востоке. Более того, листовки давно содержали полный перечень цен на все инструменты, вещи и даже продукты, на Дальнем Востоке и Беловодье, причём, что характерно, гораздо ниже европейских. Ещё бы, при нашем серийном производстве буквально все металлические изделия были вдвое-втрое дешевле своих иностранных аналогов. Потому практичные немцы предпочитали продать имущество в Европе, а на Дальний Восток отправиться с зашитыми в поясах монетами, взяв лишь самое необходимое в пути. Те оставшиеся недостроенными пять тысяч вёрст, разделявшие уральский участок железной дороги и дальневосточную часть пути, зажиточные переселенцы проходили относительно легко, пользуясь услугами многочисленных ямщиков.

Перевозками золотоискателей из Европы на Дальний Восток занялись уральские казаки и некоторые казахские роды, следившие за безопасностью своих клиентов лучше всякой полиции. Ямщики внимательно смотрели за чужаками, проверяли все несчастные случаи в дороге, а нескольких неосторожных разбойников выловили за неделю, решив всё самосудом. Жаль, что большая часть переселенцев, как правило, крестьяне, до Иркутска добирались пешком, не имея средств на услуги ямщиков. Там их мучения заканчивались, они сразу попадали в руки представителя Беловодья, формировавшего регулярные караваны переселенцев в Белый Камень, фактически, за наш счёт. От Белого Камня по Амуру людей сплавливали на пароходах Русской Дальневосточной кампании до Быстровска, дальше по железной дороге во Владивостокский порт.

Не все европейские и русские золотоискатели добирались до Калифорнии, учитывая, что основные перевозки из Владивостока в Форт-Росс легли на плечи океанского флота Беловодья. Надо ли говорить, что стоянка в Невмянске стала обязательной для пассажирских кораблей, там их встречали наши агенты, наметанным взглядом выбиравшие нужных людей. В результате, кроме двадцати тысяч золотоискателей, заселивших русско-беловодскую Америку за последние годы, почти десять тысяч европейцев и русских осели в Беловодье. Большинство из них ремесленники и крестьяне, бросившиеся на край света не столько из авантюризма, сколько от беспросветной нищеты. Подавляющая часть беглых крестьян и казённых рабочих, ознакомившись с нашим Положением, предпочитали остаться на острове, подав прошение на жительство.

Зато среди будущих калифорнийцев оказался молодой граф Резанов, востроносенький парень с горящими глазами и вполне графскими манерами. Думаю, теперь с испанцами проблем у русских американцев совсем не останется. Их и в прежние времена не было, считай, лет пять там нашей продукцией торгуют, от оружия и скобяного товара, до тканей и предметов роскоши, раза в два дешевле обходится, чем из Испании привозить. Так, что ни один местный испанский начальник, прикормленный, конечно, не пробовал протестовать, опасаясь не столько нас, сколько своих же подчинённых. В случае потери такой выгодной торговли, начальство могло не дожидаться очередного корабля в метрополию, несчастные случаи в диких местах никогда не расследовали. А местные плантаторы неплохо зарабатывали на торговле с русскими, все давно вооружили свою охрану «Лушами», самые продвинутые прикупили немного миномётов.

Вполне обоснованно доны считали, что смогут отбиться от любого присланного из метрополии отряда. Никаких кровопролитных сражений русских с индейцами на западном побережье Америки за эти годы не произошло. Испанцы и русские нанимали аборигенов на работу, миссионеры постепенно их крестили, если и были конфликты, то единичные и крайне редко. Ни одна из русских и беловодских миссий и острогов не подверглась массовому нападению индейцев за десятилетие. Мы с Палычем пришли к выводу, что книги и фильмы о героизме американцев в войне с кровожадными дикими индейцами оч-ч-чень преувеличены. Кроме нескольких откровенно бандитских нападений, массового сопротивления русскому продвижению в Америке индейцы не оказывали. Возможно, потому, что мы их не загоняли в резервации, а относились, как к людям?

За шесть лет гарнизоны Беловодья организовали добротную охрану золотых приисков, медных и серебряных рудников в Кордильерах, и всей Русской Калифорнии. В отличие от острова Белого, Австралии, азиатских колоний, и других владений РДК, в Калифорнии сразу официальной властью стали представители Российской Империи. Никита передал наше прошение государыне о включении Русской Америки в состав империи и добился, чтобы в Америку отправили официального представителя от России, пока секунд-майора Новожилова. Почти сразу за ним Никита сагитировал выехать Резанова, психологически его подготовив. Надеемся, что будущий герой «Юноны и Авось» расширит Русско-Американскую торговую кампанию, созданную Шелиховым и Барановым, не всё РДК под себя грести. Пусть новые люди получают возможность заняться освоением Русской Америки. А, чтобы Резанов остался живым и, ещё не родившаяся, Кончита его дождалась, мы поможем. Главное, от большинства административных проблем удалось избавиться, сосредоточившись исключительно на экономическом освоении Кордильер.

Беловодье, в моём лице, участвовало в отыскании и разработке золотых и серебряных месторождений в Скалистых горах. С продажей добытого металла России, пусть по фиксированным ценам, но, за русские деньги. Да, не бескорыстно мы держали там гарнизоны, кроме участия в добыче золота, новобранцы получали опыт службы в Пограничье, заполняя скуку гарнизонной жизни регулярными частыми стрельбами и учениями, охраняя картографов и геологов, постепенно создававших добротную карту русских владений. Каждый год отряды бандитов всяких мастей и молодых индейцев дерзкими нападениями прощупывали прочность границ русской и беловодской Калифорнии с востока. Восемь беловодских острогов, вооружённых старыми пятидесяти миллиметровками, надёжно прикрывали восточные предгорья Кордильер от индейцев и бандитов, изредка прорывавшихся из прерий. Слава богу, КВ-связь действовала надёжно, боеприпасов мы не жалели, за всё время индейцам ни разу не удалось захватить хоть один острог.

Шелихов основательно укрепился на Аляске, где год назад начал мыть золото на Юконе, с индейцами у него проблемы были, но недолго. Особенно воинственным колошам не понравились двустольные «Луши» и пятидесяти миллиметровые миномёты. Последний набег этого воинственного племени, более века терроризировавшего прибрежные алеутские племена, закончился вполне предсказуемо. В отражении нападения участвовали наши аннамские наёмники с двумя приданными пароходами. Уж азиаты своих врагов не жалеют, и, когда начальство из числа русских торговцев спохватилось, все нападавшие были прикончены, у колошей физически не осталось мужчин-воинов. Хотя, возможно, в селениях и могли подрасти дети, но, против этого меры приняли многочисленные соседи колошей, накопившие достаточно претензий к племени, угнетавшем и грабившем всё побережье Аляски. «Зачистка» индейцами некогда воинственного племени прошла за полгода, нам не пришлось помогать даже оружием. Сейчас на побережье трудно найти индейца, который рискнёт назваться именем начисто истреблённых колошей. Вот так, по-азиатски, просто и надёжно, хоть и Америка.

Зато русские земледельцы и скотоводы, расселявшиеся вдоль океанского побережья от Форт-Росса на север, почувствовали себя значительно спокойней, лишившись агрессивных соседей-колошей. И, беловодские старатели активней двинулись в Скалистые горы, не брезгуя добычей меха. Да, старатели пошли не те, первая волна уральских умельцев давно остепенилась и осела в городах. Все они заработали достаточно, чтобы вести скучную жизнь богатых рантье. Ан, нет, рвутся в горы, хоть не связывай. Даже работа преподавателями на горных факультетах Владивостокского и Невмянского вузов не остепенила старых бродяг. Они-то и вывозили своих воспитанников летом на природу, на практику, в горы Аннама и Австралии, Калифорнии и Бенгалии. Так, что старатель нынче молодой, грамотный, обученный. А старики-учителя, пока молодёжь по горам скачет, зверя постреливают, рыбку ловят, по браконьерской привычке, как мы шутим, вспоминая годы пугачёвского восстания.

За последние десять лет английские и голландские торговцы перестали появляться в прибрежных водах Калифорнии и дальше на север, Гавайские острова для них северная точка торговли на востоке Тихого океана. Беловодские патрульные катера отучили от всякого промысла на Командорских и Алеутских островах, и в прибрежных водах тихоокеанского побережья Северной Америки американских и английских промышленников. Поэтому, земли и воды Тихого океана севернее Гавайских островов фактически стали собственностью исключительно России и Беловодья, лишь испанские и французские корабли не боялись торговать в этом регионе. Причём, задолго до установления дипломатических отношений.

Наши отношения с британской Ост-Индской кампанией до сих пор напоминают советские времена, мы делаем вид, что ничего не происходит, англичане делают вид, что ничего не замечают, а «сами откручиваем, отламываем, отвинчиваем», по выражению М. Жванецкого. Капитаны баронства и кампании портили друг другу жизнь при любом удобном случае, от «случайных» обстрелов артиллерией, приняв, якобы, за пиратов. До конфискации грузов и самих транспортных судов. Причём, обстреливали нас англичане, как правило, безрезультатно, и при многократном превышении сил. А конфисковывали грузы и суда Ост-Индской кампании за многочисленные нарушения исключительно беловодские пароходы, пользуясь преимуществом в вооружении и скорости хода. Но, делали это, как говорится, в рабочем порядке, а, после поданных жалоб и разбирательств, как правило, суда мы англичанам возвращали. Правильно, зачем нам парусные лохани, когда средняя скорость беловодских пароходов последних выпусков достигла тридцати километров (вёрст) в час, а грузоподъёмность тысячи тонн? Другой вопрос, что конфискованный товар мы не вернули ни разу.

Пока британская Ост-Индская кампания терпит, а куда деваться? Во всех вооружённых конфликтах между Беловодьем и войсками кампании, сила оказывалась на нашей стороне. Особенно ярко это проявилось во время недолгой войны с Британией и Голландией, когда беловодские капитаны, словно в охотничьем азарте, буквально рыскали по океану, бросаясь на каждого встречного «англичанина». В тот год одиночные беловодские корабли, вооружённые парой гаубиц, умудрялись захватывать целые караваны из пяти-шести британских и голландских судов, подавляя любое сопротивление дальнобойными и скорострельными орудиями.

Именно в 1788-1789 годах, как никогда наглядно, все капитаны судов Индийского и Тихоокеанского бассейна убедились в уникальности и непобедимости русского оружия. Русские казнозарядные пушки не только превосходили по дальности любые орудия в два-три раза, не только стреляли чаще, раз в пять, но и снаряды обладали неизмеримо большей мощностью, нежели чугунные ядра или круглые гранаты. Обычному торговому кораблю хватало одного-двух попаданий русского фугаса в борт, чтобы выйти из сражения. Ибо разрыв снаряда калибра даже пятьдесят миллиметров разносил любые деревянные переборки в радиусе пяти метров, вырывая в борту или днище судна дыру от одного до полутора метров диаметром. Что говорить о более мощных и дальнобойных гаубицах калибра сто миллиметров? На близких дистанциях,

начиная с восьмиста метров, к пушкам охотно присоединялись стрелки, выбивая всё живое на кораблях противника из нарезных карабинов.

Англичане это усвоили чётко, и, пытались переломить обстоятельства в свою пользу массовыми закупками ружей и патронов. Всего они купили двадцать тысяч ружей, «Луш», естественно, и полмиллиона патронов. Миномёты и казнозарядные пушки мы до сего времени в Европу не продавали, решили отложить их продажу до перевооружения. В результате, ружья ост-индским солдатам не помогли, подтвердив известную истину «Артиллерия – бог войны». К началу 1790 года беловодские торговцы выдавили британскую Ост-Индскую кампанию из всех портов восточного побережья Индии и всего Индокитая. Теперь возникли трудности у казаков-капёров, привыкших за последние годы к лёгкой добыче, в виде английских купеческих кораблей. А, что делать? Приходится беловодским казакам-капёрам «работать» всё ближе к западному индийскому побережью, добираясь до Персидского залива, благо там давно обжитый и усмирённый Цейлон поблизости.

С помощью беловодского оружия и при участии наших военных советников, туземцы пятый год портят англичанам жизнь во всех колониях западного побережья Индостана, только там остались ещё британские и голландские колонии. Под горячую руку попали голландцы, вынужденные вести боевые действия на материке против индусов. Первые годы европейцы побеждали, как говорится, «за явным преимуществом». Наши советники едва успевали уносить ноги и собирать брошенные аборигенами «Луши», чтобы завтра снова их продать «борцам за свободу». Пришлось разворачивать полноценные лагеря обучения новобранцев, где гонять свободолюбивых индусов по три-четыре месяца в самом жёстком стиле. Лишь после этого аборигены стали иногда(!) не убегать с поля боя, бросая оружие. А год назад, войска британской Ост-Индской кампании впервые потерпели довольно крупное поражение от туземных войск, потеряв в районе Мангалуру целый батальон.

Понемногу воинственные индусы стали втягиваться в сопротивление, уничтожая любых европейцев, не похожих на беловодцев, с запоминающимся восьмиконечным золотым православным крестом на фоне красного знамени. Лишь французы, заключившие в своё время с нами договор о сотрудничестве, сохранили мирные отношения с индусами в своих представительствах, даже начали теснить англичан. За что и отблагодарили нас четыре года назад установлением полноправных консульских отношений с баронством. Однако, с приходом Великой французской революции, эти начинания, вполне нами ожидаемо, пошли прахом. Часть войск французы срочно вернули в метрополию, другим, конечно же, сразу стали задерживать денежное содержание. Постепенно французские колонии скатывались в пропасть, так знакомую нам с Палычем, чем не замедлили воспользоваться представители РДК, давно проинструктированные на подобные случаи. Нет, мы очень вежливо и цивилизованно, без какого-либо насилия, занимали возникшую нишу в торговых факториях и самой торговле.

– Конечно, мусью, – говорили русские приказчики, – когда придут ваши товары и вернутся французские войска, мы обязательно вернём всё взад. Но, сейчас мы, как ближайшие союзники, вынуждены вмешаться, иначе всё захапают себе англичане и голландцы, не так ли?

Доходы русских торговцев росли, связи в индусских княжествах крепили, мы с Иваном попытались увеличить количество европейцев среди жителей Беловодья. В результате, год назад беловодское представительство в Марселе развернуло активную агитацию ремесленников, инженеров и учёных, художников и музыкантов, просто рабочих и крестьян, на выезд из объятай пламенем гражданской войны Франции в благословенное Беловодье. Где нет революций, гильотин, политической и религиозной цензуры. Зато передовая техника, девяти часовой рабочий день, огромное количество незаселённых земель, и предложения работы с хорошим заработком. Конечно, большая часть переселенцев прямым ходом отправлялась в Австралию, за исключением учёных, некоторых художников, музыкантов, инженеров. Вполне понятно, что никаких религиозных деятелей среди переселенцев не было, наши агенты тщательно следили

за этим. За два года революции из Франции перебрались в Австралию двадцать тысяч семей, на остров Белый всего тысяча восемьсот человек. Но, каких! Три академика, сто двадцать инженеров, восемьдесят механиков и сталеваров, сорок шесть врачей и т. п.

Баронство получило приток свежих идей, иных мыслей, оригинальных взглядов. Одновременно, молодые русские врачи, инженеры и мастера увидели, насколько беловодская наука и техника опережают Европу. Получили представление, чего хотят европейцы, как они мыслят, многие беловодские специалисты избавились от «комплекса провинциала». Я опасался возмущений нового патриарха Феодора, сменившего год назад безвременно ушедшего Гермогена. Но, как оказалось, большая часть прибывших интеллигентов атеисты, агностики, кто угодно, только не правильные католики. Так, что никаких религиозных требований или открытых богослужений не происходило. Как и религиозных споров, видимо, они начнутся позднее, когда французы отойдут от культурного и технологического шока.

В России по-прежнему, мало что меняется, хоть и живёт страна гораздо богаче, чем раньше. Не в малой степени, за счёт огромного объёма торговли с Востоком. Только Дальневосточная кампания приносит ежегодных налогов России пять миллионов рублей, можно представить, сколько отчисляют предприятия Никиты Желкевского и Кожевникова Володи. Не считая множества заводиков и купцов, поставляющих смежную продукцию на их предприятия, либо выпускающих нашу патентованную технику. По нашим прикидкам, русский бюджет за двадцать лет вырос в два-два с половиной раза, на 1789 год он составил сто восемь миллионов рублей. И, доходы выросли не только у дворян, торговцев и ремесленников.

Программы строительства железных дорог, новых заводов, пароходостроение и прочие, связанные с наймом большого числа работников, в том числе и неквалифицированных крестьян на зимний период, неплохо обогатили и бедные слои населения. Мы и наши приказчики предпочитали строить не на костях и долго, а за неплохую плату и быстро. Не было в России губерний, где не прошла чугунка, не выросли новые заводы. А обслуживание железной дороги всегда требует множества хорошо оплачиваемых рабочих рук. В Поволжье и Прикамье за эти годы повсеместно научились выращивать картофель, незаменимую защиту от неурожая. Вместе с ростом доходов крестьян, картофель решил проблему регулярного голода русских губерний. Люди перестали голодать, побираться, умирать, в конце концов, от недоедания. На внутреннем рынке стабильно росло потребление дальневосточных товаров, и, не только богачами. Красная икра и рыба, наряду с чаем и хлопчатобумажными отрезами, стали востребованы простыми рабочими и селянами. Благо, мы старались пресекать любые попытки розничных торговцев задираť цены. Даже крупные магазины открыли в губернских центрах, где наши товары шли по оптовым ценам.

Многолетние поступления больших объёмов золота с Дальнего Востока сделали своё дело, денежное обращение в стране резко подскочило. Сыграли свою роль иностранцы, закупающие в Петербурге восточные пряности, ткани, фарфор и прочее, по более низким, нежели в Европе, ценам, и расплачивавшиеся звонкой монетой. До инфляции, конечно, дело не дошло, не те объёмы поступлений благородного металла, нежели в Испании и Франции. Но, торговые обороты в России выросли и заметно. Официально, в России, мы продали больше ста патентов, за смешные деньги, чисто символические, лишь бы работали промышленники, привыкнув покупать, а не красть технологии. Ещё в шести европейских странах мы продали шестнадцать патентов, принесящих нам только за первый год полмиллиона рублей серебром. И по двести тысяч рублей ежегодно продолжают поступать нашим европейским представителям.

Ни одного патента только, так и не купили наши английские «друзья», хваленое британское правосудие отказало в исках, поданных в ответ на нарушение наших авторских прав. Что же, мы утёрлись и занялись, как говорил президент Российской Федерации, поисками неадекватного ответа, тьфу, асимметричного ответа. Хотя, слово неадекватный, подходит к нашим действиям полнее. Начиная с приснопамятного 1788 года, мы активно принялись

гонять англичан по всему Индийскому и Тихому океанам, все английские суда подряд, а не только британской Ост-Индской кампании, как прежде. Пользуясь подавляющим превосходством в скорострельности артиллерии и манёвренности, беловодские пароходы останавливали и досматривали все встречные английские корабли, как правило, Ост-Индской Кампании, даже после окончания войны. Найденные контрафактные товары тщательно документировали, вплоть до фотографирования, составляли протоколы, в обязательном порядке подписанные капитанами и ответственными пассажирами захваченных судов.

После чего все товары на судне уничтожались, либо доставлялись под конвоем в ближайший беловодский порт, где беззастенчиво конфисковались. Учитывая, что консервы были самым простым к производству нашим патентом и самым востребованным в длительных плаваниях, их находили на большинстве кораблей, естественно, не нашего производства. В результате, только за первый год тотального патрулирования, в английскую метрополию вернулись семь дочиста ограбленных кораблей. Пять экипажей, пытавшихся доблестно сопротивляться, были обстреляны из пушек, после чего корабли еле доползли в ближайшие порты. Там капитаны и представители владельцев обнаружили начисто посечённый осколками товар, а выжившая команда поклялась не сопротивляться сумасшедшим русским.

И правильно сделали, потому, что на следующий год все три корабля, вздумавших сопротивляться досмотру, пошли ко дну с первых залпов, а спасённый экипаж был методично собран и депортирован на Новую Зеландию. Там и предстояло трудиться всем европейским безобразникам, изучая у кхмерской охраны русский язык, в свободное от строительства и лесоповала время. Стимулы для такого лингвистического подвига были вполне достаточные, только владеющие русским разговорным языком моряки могли наняться на беловодские корабли, торговые, конечно. А иностранным кораблям появление в портах Новой Зеландии и Австралии изначально было запрещено, и, этот запрет мы поддерживали максимально жёстко, не делая исключений даже для французов.

Военного флота баронство позволить себе не могло, по причине примитивной бедности, не столько финансовой, сколько людской нехватки. Терять сотню обученных грамотных специалистов на бездарное патрулирование океана, было абсурдно. С теми же функциями легко справлялись два десятка торговых пароходов, с командой до тридцати человек и отделением стрелков на борту. Стрелки жалование получали из баронской казны, а питание обеспечивали хозяева кораблей. Безоружным пароходам выход в океан был запрещён, что строго контролировали портовые власти. Причём патрулирование было попутной задачей, основная цель всех таких судов была исключительно торгово-исследовательская. Торговые пароходики регулярно посещали острова Тихого океана, меняя добытые ресурсы – копру, кокосы, жемчуг, сушёную рыбу и т. п., на необходимые товары у поселенцев, при окончании срока «выслуги», возвращали поселенцев на остров Белый или в Австралию, с соответствующей заменой. Одновременно картографировали тихоокеанские острова, описывали течения, водружали наше знамя на вновь открытых, даже необитаемых островах.

Учитывая казаков, перекрывших Малаккский пролив и окрестности Сингапура, да наши торговые пароходы, частым гребнем прореживающие английские суда у побережья Индокитая и на тихоокеанских островах, британской Ост-Индской кампании пришлось тяжело. Думаю, до пятнадцати процентов их судов ежегодно исчезали в нашем (!) регионе земного шара и после окончания войны с Россией. Да, с некоторых пор, даже китайские пираты не рисковали приближаться к кораблям под красным флагом, разве, с целью приобретения трофеев. Лимонники же, ежегодно заявляли в нейтральных портах протесты представителям РДК, естественно, с нулевым результатом. Пытались устроить несколько провокаций, но, обязательное ношение револьверов беловодскими торговцами и моряками весьма быстро сняло напряжение в нашу пользу. Ничего не придумав лучше, британцы стали формировать крупные караваны из десяти-

пятнадцати торговых судов под охраной нескольких фрегатов. Пока мы такие караваны не трогали, но, сил и опыта русские моряки накопили вполне достаточно.

Всего три года назад Беловодье установило дипломатические отношения с Китаем, причём, по инициативе Срединной Империи. Конечно, мы неоднократно пытались сблизиться с «китайскими товарищами», особенно, после заключения мирного договора Китая с Россией. Но, видимо эмоции преобладали в умах советников императора, которые не желали вести разговор с варварами на равных, требовали от Беловодья неременного признания себя вассалами. Тут у нас с Палычем замкнуло, мы вспомнили слова песни Макаревича «Пусть этот мир прогнётся под нас», и пошли на принцип. Напомнив Китаю о необходимости установления дипломатических отношений после захвата беловодским десантом крупнейшего торгового города Кантона и оккупации китайского острова Формоза (будущий Тайвань). Такой намёк Срединная империя поняла быстро, всего за год мы вышли на приемлемые условия заключения мира, обменялись посольствами. Однако, китайцы затаили обиду, невзирая на явные экономические выгоды. Из всех беловодских товаров берут только оружие, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадываться о предстоящем военном конфликте с «китайскими товарищами».

Большинство корейских ветеранов, заключивших контракт на двадцать лет службы в нашем первом батальоне, давно осели семьями на островах Белом или Гонолулу, хотя человек семьдесят ещё собирались вернуться на родину после выслуги лет. Ничего, у нас теперь проходили службу три батальона кхмеров, два батальона аннамцев, в основном за пределами острова Белого. На островах, в Калифорнии, на кораблях и в охране немногочисленных посольств работали бойцы первого айнского полка. Послы баронства в Европе по совместительству решали вопросы представительства в соседних государствах, представители в Азии активно занимались разведкой в сопредельных странах, подыскивали торговых агентов, пытались завязать союзы.

Наша военно-тренировочная база на Цейлоне неплохо потрудились, жалкие остатки английских факторий и представительств на западном побережье Индостана о развитии не думали, сидели в глухой осаде. Голландцев и испанцев мы старались не трогать, но, аборигенам особо не советовали, кого из белых людей выгонять. Производство на Цейлоне развивать не стали, меняли оружие и товары, доставленные из Беловодья, на пряности, купали драгоценности, да военные советники тренировали борцов за независимость и освобождение, теперь уже Западной Индии. На восточном побережье Индостана, в Калькутте, Пондишери и Мадрасе неплохо развивались русские торговые представительства, основные поставки знаменитых индийских тканей шли во Владивосток и Европу оттуда. Почти треть прибыли приносило баронству посредничество в торговле, индусы предпочитали выменивать свои товары на оружие, радиоприёмники и граммофоны, названные нами «крикуны», чем продавать эти же товары голландцам и французам за золото и серебро. При непосредственном товарном бартере беловодские купцы давали пятипроцентную скидку, активно вытесняя европейских конкурентов. Те предлагали за индийские товары золотые и серебряные монеты, никаких европейских товаров индусы не брали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.